

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Скала
Эдельвейсов

Мисс Робин Гуд

Марина Серова
Скала эдельвейсов

«Научная книга»

2008

Серова М. С.

Скала эдельвейсов / М. С. Серова — «Научная книга»,
2008 — (Мисс Робин Гуд)

В один миг жизнь Ольги Камышиной – молодой, талантливой певицы – покатила под откос. Она потеряла все, чего многие годы с таким трудом добивалась: работу, уникального тембра голос, уважение жителей маленького городка, а главное – свою единственную любовь. Вдобавок ко всему Ольга попадает под машину. Налицо суицид, девушка в коме, причем прогнозы самые неблагоприятные. Все вокруг говорят, что именно ее любимый человек и по совместительству продюсер виноват в трагическом стечении обстоятельств. Желая восстановить справедливость, мать Камышиной обращается к знаменитой Мисс Робин Гуд – Полине Казаковой, защитнице тех, кто неспособен постоять за себя. Уж Казакова сумеет отомстить негодяю, желающему поживиться на таланте юной певицы...

© Серова М. С., 2008

© Научная книга, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Серова

Скала эдельвейсов

Глава 1

Все происходящее слилось для нее в один белый шум – люди, проносящиеся машины, тупое и равномерное моргание светофора. Уже десять минут она стояла на перекрестке и все никак не решалась сделать шаг – не потому, что боялась или раздумывала, а потому, что никак не могла вспомнить, куда она должна была идти. Но ведь куда-то должна! Надо бежать, доказывать, убеждать, бороться... Надо бороться. Но не хочется. Хочется спать. И зачем бороться? Ведь все уже произошло. Все самое страшное, что могло произойти в ее жизни, уже случилось. Хуже не будет, поэтому можно просто спать. Как можно дольше спать и не просыпаться, чтобы не думать.

Ольга глубоко, с тоненьким всхлипом вздохнула и резко шагнула на проезжую часть. Словно в ответ на ее всхлип, истерично и резко взвизгнули тормоза, и для девушки наступил, наконец-то, спасительный покой.

* * *

Аристарх Владиленович с любопытством изучал внутреннее убранство приемного покоя больницы. Посмотрите на врачей – боги! Боги обшарпанного Олимпа. И простые смертные, доставленные сюда злой волею судьбы, с мольбой в глазах ожидают их божественного вердикта: нам куда? На землю? Или здесь, в рабстве и муках побудем? Мы побудем, вы только прикажите, а потом отпустите. Но боги суровы, некогда им. Носятся по коридорам, не замечают подобострастных взглядов землян, ветер раздувает паруса их незастегнутых халатов.

Дед фыркнул – нафантазировал! А что еще делать? Ожидание затянулось, уйти просто так и бросить даму он не может, не так воспитан. Час назад, в сквере, прямо перед ним неловко поставила ногу и упала женщина примерно одного с ним возраста. Она так мило ойкала и извинялась, что Аристарх просто не мог не доставить ее в больницу, а доставив, не дожидаться, пока новой знакомой не наложат гипс на сломанную, как оказалось, руку. Дед маялся. Он ничего не знал о новой знакомой, а вдруг у нее угрюмый недобрый муж? Что, если он заявится сейчас в поликлинику, увидит тайный смысл в их нечаянной встрече и обидит Инессу? Откровенно говоря, была еще одна причина, по которой дед не смог просто так уйти. У дамы оказалось редкое, овечье вихрем революции имя – Инесса. Когда-то это имя принадлежало его давно потерянной ветреной супруге. Ариша склонил голову, губы его тронула мягкая, слегка горестная улыбка, перед глазами встал образ юной зеленоглазой брюнетки с точеными чертами лица. Как он мог потерять ее?

Внезапно сладкие и одновременно горестные размышления прервал неприятный шум: двое выясняли отношения. Женщина явно с трудом сдерживала эмоции, мужчина невнятно и растерянно пытался ее успокоить.

Аристарх Владиленович был любопытен, время надо было чем-то занять, поэтому он искоса посмотрел в глубину больничного коридора – действительно, молодой, холеный, хорошо одетый мужчина и женщина в возрасте. Было видно, что женщина пытается сдерживать эмоции и говорить тише, но у нее это не очень-то получается. Она едва сдерживала рыдания:

– Это ты! Ты виноват! Я все знаю, мне рассказали.

– Катерина Ивановна, о чем вы? Да, у нас с Олечкой была размолвка, но разве сейчас это важно? Сейчас надо спасать Олю!

– Не смей даже говорить о ней! Уходи! Ненавижу! Ненавижу, ненавижу! – женщина выкрикивала это слово на одной ноте, раскачиваясь, словно убаюкивая себя. Теперь притихли уже все немногочисленные посетители приемного покоя.

«Надо это заканчивать!» – решил Аристарх Владиленович, несколько мгновений поколебался, борясь с врожденной стеснительностью, и мягкой походкой неслышно подошел к этой странной паре:

– Поверьте, вам сейчас лучше уйти, – шепнул он на ухо молодому человеку.

Тот удивленно вскинул на него глаза, хотел что-то сказать, но, видно, передумал, махнул рукой и быстро зашагал к выходу. Аристарх присел рядом с женщиной, по-отечески обнял ее за плечи. Женщина была немолода, но явно годилась ему в дочери, поэтому он легко позволил себе эту мягкую ласку.

– Успокойтесь, милая, на вас все смотрят. А если не можете, идемте в больничный сквер, там мало любопытствующих. Не стоит выставлять свое горе на суд равнодушных зрителей.

– Да, конечно, – приподнялась было женщина, но тут же села обратно. – Нет-нет, я не могу, врач может выйти, а меня не будет на месте.

После того как вышел мужчина, агрессивность ее улетучилась, но нервозность осталась. Женщина суетливо озиралась, нервно теребила пальцами полу халата, некрасиво покусывала губы. Она напоминала Аристарху зверька, пойманного в вольном лесу и посаженного в тесную загаженную клетку. Вернее, самку, лишившуюся к тому же детенышей. У него сжалось сердце. Женщина тем временем продолжала говорить:

– Я врача жду. Он сейчас у Олечки. А меня к ней не пускают. Вот скажите, я же мама, как можно маму к ребенку не пускать? Может, мне к главврачу сходить? Или деньги кому-нибудь дать? У меня есть! Как нарочно, собиралась за квартиру заплатить, положила в кошелек, а тут звонок – Олечка в больнице.

Она достала выдавший виды кошелек и продемонстрировала несколько сотен и десятки.

– Как фамилия вашей дочки? – вздохнул дед. – Никуда не уходите, я сейчас.

Ариша не любил пользоваться связями, но сейчас был тот самый случай, когда церемонии казались излишними. Главврач больницы изредка составлял ему партию в покер, он был человеком старой закалки, то есть неалчным до материальных ценностей, но жадным до общения. Он искренне обрадовался визиту своего приятеля.

– Аристарх Владиленович, какой сюрприз! Надеюсь, причиной этой нечаянной радости не являются проблемы с вашим здоровьем? Нет? Прекрасно! Вы не представляете, каким коньячком угостил меня сегодня один благодарный пациент. Присаживайтесь, у меня как раз есть полчаса свободного времени.

– Спасибо, дружище, – затряс ему руку Ариша, – но я, к сожалению, с просьбой. Там, внизу, женщина сходит с ума от неизвестности. Помогите, пожалуйста, узнать, что с ее дочерью. Не могу смотреть, как она мучается.

Скоро Ариша владел всей информацией. Ольга, по показаниям свидетелей, буквально выпала на проезжую часть прямо под колеса автомобиля. Никто из окружающих не понял, что произошло, видели только, как машина отшвырнула девушку обратно на тротуар, прямо под ноги пешеходам. Удар был сильным, девушка сразу потеряла сознание, поэтому ее сочли погибшей, но врач прибывшей «Скорой», на счастье впавшего в панику водителя, сбившего девушку, обнаружил у нее признаки жизни и под вой sireны доставил пострадавшую в операционную. Уже на операционном столе выяснилось, что обошлось без переломов и внутренних ушибов, но этот факт никак не мог утешить родных Ольги. Результатом удара головой о бордюр была сложнейшая черепно-мозговая травма. Операция шла уже третий час, а хирурги все не могли дать гарантий в том, что их пациентка будет жить.

Главврач уверил Аришу, что операцию делает лучший нейрохирург отделения и если девушке суждено выжить, она выживет. Большого он гарантировать не мог. Дед горестно покачал головой: он так надеялся принести бедной женщине добрую весть! Что ж, он взял на себя ответственность за нее, ему и нести ее дальше. Если утешить мать не получится, придется отвлечь. Старый интеллигент спустился на первый этаж и подошел к пребывающей в неведении женщине:

– С вашей дочкой все будет в порядке. У нее нет ни одного перелома, не придется лежать в гипсе. Позвоночник не пострадал, внутренние органы целы. Она сильно ударилась головой, но ей помогает самый лучший врач, он сделает все как надо. Что же поделать, милая, бог не всегда бережет наших детей. Но вы не должны отчаиваться. Она жива, это главное, а вот мой сын...

Обычно Ариша умел заглушать боль воспоминаний, но сейчас они нахлынули на него, не спрашивая разрешения, вместе с запахами медикаментов, аурой горя, царившей в отделении, и озабоченными взглядами докторов. Дед сел рядом с матерью Ольги и закрыл лицо ладонями. Теперь уже ему требовалась помощь, и теперь женщина мягко положила руку ему на плечо. Так уж мы устроены – даже когда сами находимся на грани отчаяния, всегда находим силы поддержать другого, даже плохо знакомого нам человека. Мой дед собирался отвлечь женщину от мрачных мыслей, но никак не думал, что будет рассказывать ей о нашей общей трагедии.

Моего отца он воспитывал один, не владея никакими специальными педагогическими техниками, выдвигая подчас противоречивые требования, так как сам воспитывался на симбиозе пролетарской, даже скорее жесткой чекистской дрессуры со стороны своего отца и тихого внедрения аристократических замашек со стороны матери, дворянки по происхождению. Поэтому дед мой был человеком голубых кровей с буйным, несколько хулиганским нравом. Хотя хулиганский нрав можно тоже приписать дворянской крови, – предки его отличались склонностью к смуте, а один из них даже участвовал в восстании декабристов. Но вот кто из предков возьмет на себя ответственность за пристрастие деда к азартным играм и легкому, ни к чему не обязывающему карточному шулерству? Наверное, опять дворяне. Пролетарии-чекисты же, тихо презрев идеалы марксизма-ленинизма и пользуясь служебным положением, вдоволь наэкспроприировав экспроприированное или награвив награвленное, говоря более понятным языком, обеспечили ему безбедное существование.

Впрочем, моего папу он воспитал вполне нормальным человеком, законопослушным, успешным, любящим. Они с моей мамой погибли в автокатастрофе у меня на глазах, когда мне, Полине Андреевне Казаковой, было четырнадцать лет. Виновником аварии был главный прокурор города, он же представил все так, будто папа, а не он, в пьяном виде управлял автомобилем. Дело закрыли, не доведя до суда, нам с дедом пришлось выплатить компенсацию за ремонт автомобиля прокурора и перебраться за город, в коттедж, который мама и папа только-только успели достроить. С тех пор мы друг для друга – единственные близкие люди. Я, несмотря на свои двадцать восемь лет, так и не вышла замуж и не нарожала ему внуков, дед тоже остался верен своей первой любви, моей бабушке, исчезнувшей около сорока пяти лет назад.

– Господи, как я мог забыть! – встрепенулся Ариша. – Инесса!

Он действительно запомнил, как оказался в приемном отделении. Видимо, пока он узнавал о состоянии здоровья Ольги, его новая знакомая получила помощь и ушла, не найдя галантного старика на месте. Позор! Что она о нем подумает! И он так и не успел ничего узнать о ней: кто она, замужем ли, любит ли оперу или предпочитает джаз. Кошмар! Дед приуныл. Но уныние не давало ему права бросать еще одну женщину, попавшую в более серьезную передрягу – мать Ольги, Катерину Ивановну, как она ему представилась.

– Откровенность за откровенность, голубушка, – без церемоний приступил он к вопросу, который не давал ему покоя. – Кто тот молодой человек, которого вы прогнали? И почему вы обвинили его в произошедшем с Ольгой? Считаете, это он толкнул ее под колеса автомобиля?

На лицо женщины опять набежала тень, черты ее некрасиво исказились, губы сжались.

– Толкнул. Только не физически, а морально. Он бросил мою девочку, когда и без этого ее жизнь потеряла смысл. Олечка лишилась работы, таланта, будущего. Он ослабил ее на весь город, чуть не упек за решетку, оставил без средств к существованию. Это страшный человек! Но я знаю, что я сделаю. Он тоже не будет жить. Деньги у меня есть – копила Олечке на свадьбу. Она в последнее время хорошо зарабатывала и почти все деньги отдавала мне. Так я на хозяйство из ее зарплаты ничего не тратила, все откладывала, думала, ей пригодится. И правда, пригодилось. Только не на то, на что я рассчитывала.

– Постойте, – перепугался Ариша, – вы хотите нанять киллера? Не вздумайте! Есть множество законных путей наказать порок, например, написать заявление в милицию. За доведение до самоубийства дают хороший срок, пусть поживет среди уголовников, похлебают тюремной баланды.

– Что вы, Олег очень богат, он откупится! А моих средств не хватит на хорошего адвоката. Или хватит? Вы не знаете случайно, сколько может стоить адвокат?

– Знаю, голубушка, знаю. И даже могу порекомендовать вам прекрасного специалиста. Видите ли, я не последний человек в этом городе, у меня есть некоторые связи. Я попробую вам помочь. Сегодня же постараюсь увидеть его и рассказать о вашей беде.

В этот момент в глубине плохо освещенного коридора зловеще лязгнула дверь, и санитарка в несвежем халате с грохотом выкатила из полумрака ржавую железную каталку с телом, накрытым коричневатой простыней. Простыня была, как обычно водится, коротковата, поэтому не прикрывала желтоватые ступни, на одной из которых уныло висела клеенчатая бирочка. Катерина Ивановна тихо охнула и приросла к стулу. Санитарка, глухо откашлявшись, зычно гаркнула:

– Зинка, найди Петровича, работу ему везу!

Дежурная, сидевшая у входа, отозвалась:

– Да он с утра в котельной завис, сегодня уже не работник.

– А меня не касается! Можно подумать, ему живого человека резать. Да тут и так все ясно, пусть поковыряется для вида да зашьет, любой алкаш справится.

Ариша от изумления потерял бдительность, поэтому не успел перехватить Катерину, птицей кинувшуюся к каталке и запричитавшую над трупом. Она выкрикивала проклятия в адрес Олега, а также всех эскулапов мира, алкоголиков, адвокатов, обнимала тело под простыней, отталкивала пытавшихся оттащить ее санитарок. Весь этот кошмар продолжался до тех пор, пока простыня не сползла и неожиданным зрителям не предстало благообразное лицо старушки с заострившимся носиком и скорбно поджатыми губами. Только после этого Арише удалось оттащить женщину от каталки и усадить обратно в кресло. Тут же подлетела молоденькая сестричка с маленьким стаканчиком остро пахнущей жидкости, одной рукой привычно поддерживала женщину за затылок, а другой мягко опрокинула стаканчик с успокоительным ей в горло. Никто не заметил, как из дверей, ведущих к операционной, вышел немолодой доктор с потухшими глазами. Он подошел к маленькой группе, снял шапочку и вытер ею пот со лба.

– Операция прошла успешно, состояние вашей дочери стабильно тяжелое. В сознание она придет не скоро, пока будет находиться на искусственном жизнеобеспечении, а дальше – посмотрим. Идите домой, сейчас вы ничем не можете ей помочь.

Он постоял еще немного, потом, так и не взглянув в глаза женщине, зашагал дальше по коридору.

– Не надо мне адвоката, – сквозь зубы прошептала мать, – я знаю, как расквитаться с ним. Я бабку одну знаю, она найдет на него такую порчу, что никто снять не сможет!

– Послушайте меня, – тихо произнес Ариша, – пока ничего не отвечайте, только выслушайте. Я хоть и старый безбожник, но знаю: то, что вы задумали, не принесет успокоения вам и здоровья вашей дочери. Я знаю человека, который сможет сделать так, что все, содеянное

вашим врагом, вернется к нему же. Девочка будет отомщена, злодей наказан. А перед богом и людьми вы и Олечка останетесь чисты. Помните, я рассказывал вам о смерти моего сына и невестки? Тот, кто явился причиной их смерти, спустя четырнадцать лет был жестоко наказан. Он потерял состояние, репутацию, здоровье, разум. Его жестоко предали самые близкие люди, теперь это жалкий, нищий, одинокий старик. И свершился суд не при помощи магии или божьего промысла. Смерть – слишком простое наказание для вашего обидчика. Правильнее будет заставить его покаяться, заставить страдать так, как страдала Оля. Возьмите визитку и подумайте над моим предложением.

Ариша вложил в руку несчастной матери карточку с моим телефоном и вышел из приемного покоя. Свежий ветер взъерошил его тщательно уложенные волосы и унес облако болезненного запаха. Все, что он рассказал, было чистой правдой. Когда мне исполнилось двадцать восемь лет, я действительно разыскала бывшего главного прокурора города и собрала сведения о нем и его семье. Оказалось, что мой враг женат во второй раз на молодой и неглупой женщине, старший сын его является крупным строительным магнатом города и замешан в махинациях с рентой, младший сын – лоботряс и наркоман.

Я подружилась с его женой и убедила ее бежать от мужа, прихватив солидную часть семейного состояния. Для падкого на дешевые развлечения прокурора наняла девушку легкого поведения, которая шантажом довела его почти до безумия, а также перессорила его сыновей, сделав из равнодушных друг к другу людей лютых врагов, а затем собрала и передала в прокуратуру материалы, уличающие старшего сына в преступных махинациях с договорами пожизненной ренты. В конце концов, я явилась невольной причиной того, что дом этой семейки сгорел, а сыновья практически похоронили отца заживо под его обломками. В последний момент мне удалось вытащить господина прокурора из горящего дома, я не смогла спокойно смотреть, как в страшных муках гибнет человек, даже если этот человек заслуживал такой смерти.

Итак, я отомстила за своих родителей и теперь не прячу глаза при взгляде на их портреты. Мой дед был прекрасно осведомлен о ходе моего расследования, и не только не отговаривал меня, но и очень помог мне советами, знанием, делом, помощью нужных людей. Кроме него, больше никто в полном объеме не владел информацией о моем участии в странном развале внешне крепкой и обеспеченной семьи, но многие догадывались. Например, моя подруга Алина, девица взбалмошная и непостоянная, но верная и преданная, или журналист местной газеты «Горовск сегодня» Антон Ярцев, который помог мне с опубликованием необходимой информации, или старый друг нашей семьи, полковник ФСБ Сергей Дмитриевич Курбатов. Когда погибли мои родители, он был далеко и не мог помочь мне, поэтому счел своим долгом теперь закрыть глаза на некоторые явные вещи и прикрыть меня перед прокуратурой. В умении всех этих людей держать язык за зубами я была уверена, однако в городе пошли слухи о том, что возмездие настигло семью прокурора не только по воле божьей.

Спустя некоторое время я получила свой первый заказ – мне предстояло разобраться в деле о странном взрыве на кирпичном заводе. Справилась я блестяще и в результате поняла, что больше не могу прозябать на скучной и серенькой должности юрисконсульта сего завода. Я уволилась и на общественных началах занялась частным сыском. Однако практика была небольшой: всего несколько семейных дел. На самом же деле я ждала, когда мне представится возможность восстановить справедливость и защитить тех, кто нуждался в помощи. Это стало своеобразным наркотиком, смыслом жизни, кислородом, без которого я уже не представляла своего существования.

И заказы шли. Шли, несмотря на отсутствие какой-либо рекламы и тщательную маскировку, прибегать к которой стало моим правилом. Видимо, в таком маленьком городке, как наш Горовск, нонсенс – само существование тайны. Конечно, не всегда была возможность действовать законными способами, поэтому иногда я позволяла себе нарушать законы и путаться под ногами правоохранительных органов, но блестящее знание юриспруденции и престижное

высшее образование позволяли мне избегать стычек с законом. С законом, но не с моими противниками. Я умела бороться со страхом, и эти стычки только добавляли драйва к моей работе. Но порой в дело вмешивались эмоции. Так, я практически влюбилась в старшего сына прокурора, Вадима, и только личная ненависть к этой семейке помогла мне, если не справиться, то хотя бы заглушить чувство к обаятельному и жестокому противнику. Кстати, Вадим до сих пор находится в розыске за совершение ряда тяжких преступлений, а так как именно я стала причиной крушения его империи, жить мне приходилось с оглядкой.

И все же в последнее время мне не попадалось ни одного мало-мальски интересного дела. Помочь с разводом, поймать на месте преступления блудливого супруга, оформить наследство... Тоска. Время от времени я даже отказывалась от рутинных дел – денег нам с Аришей хватало, а чахнуть над текучкой не хотелось, чем бы тогда отличалась работа частного детектива от службы на кирпичном заводе «Красный Октябрь»?

Сегодня мне было особенно тоскливо: за окном монотонно капал серый дождик, ведущий моей любимой радиоволны с натугой пытался вдохнуть оптимизм в радиослушателей, на телевизор я даже смотреть не хотела, дел интересных не наблюдалось. Я достала из футляра саксофон и добавила в эту тягомотину свой вклад – затянула нуднейшую композицию Клода Дебюсси. Обычно саксофон помогал мне справиться с дурным расположением духа, а иногда в процессе музицирования меня посещали интересные мысли по поводу решений сложных дел, но сегодня был не тот случай. Мне было грустно, и, следуя логике духа противоречия, клин следовало вышибать клином, то есть сделать так, чтобы стало совсем тоскливо.

Добить себя окончательно не дал мне Ариша. С сердитым лицом он возник в дверях моей комнаты и замахал руками:

– Полетт, прекрати немедленно! Подобного кошмара я не слышал с тех пор, как по неразумению купил тебе барабан! Тебе тогда исполнилось пять лет.

– Что, фальшивлю?

– Если бы! Играешь виртуозно, но чересчур пессимистично. Прекращай это безобразие и спускайся вниз, пока клиент не удрал. Твои рулады – прекрасная антиреклама. Поторопись, я нашел тебе интересную клиентку. – Он гордо поднял голову. – И она пока терпеливо ждет тебя в гостиной.

Глава 2

Женщина, которая ожидала меня в гостиной, совсем не была похожа на моих заказчиков. Обычно к частному детективу обращаются люди определенного круга, доходы коего гораздо выше черты прожиточного минимума. Моя же новая клиентка явно жила на зарплату российского бюджетника. Ближе к пятидесяти годам, очень худенькая, даже костлявая, на маленьком треугольном личике огромные угольно-черные глаза, ни грамма косметики – это лицо она только бы испортила.

– Знакомься, Полетт, Катерина Ивановна, я тебе рассказывал про ее беду, – прервал дед затянувшуюся паузу.

Да, кажется, я что-то припоминала. Больница, дочь, попытка суицида. Непонятно чем, но клиентка вызвала во мне глухое раздражение.

– Спасибо, Аристарх Владиленович, – повернулась я к деду, – вы можете быть свободны.

Ариша насупился. Он никак не ожидал от меня такого коварства: понятно, привел клиентку, а я лишаю его возможности послушать подробности интересного для него дела и отправляю прочь, как какую-нибудь секретаршу. Ничего, так ему и надо, не будет критиковать мои музыкальные таланты. Я, конечно, не Луи Армстронг, но для хрупкой непрофессионалки играю неплохо, очень даже неплохо.

– Наверное, я пришла не по адресу. – Клиентка подождала, когда за дедом закроется дверь и продолжила: – В милиции даже не стали открывать дело. Говорят, нет свидетелей преступления, налицо стопроцентный суицид. Да, я согласна, суицид, но почему никому не придет в голову, что ее подтолкнули к этому шагу? Пусть не физически, но подтолкнули же! В общем, я требую, чтобы вы покарали виновного. Его зовут Олег Пахомов, ему тридцать лет, вот его фотография. После того, как вы закончите, вы предоставите мне все доказательства, иначе не получите гонорар. Я требую, чтобы он страдал, а причину его страданий выбирайте сами. Я ясно выражаюсь?

Теперь понятно, откуда такое мерзкое настроение с утра. Видимо, я предчувствовала, что придется общаться с крайне несимпатичной особой. Ну, спасибо, дедуля, удружил!

– Откуда вы взяли, что я собираюсь кого-то наказывать? – Я демонстративно развалилась в кресле и качнула ногой. – Как частное лицо, я могу предложить вам расследование и найти причину трагедии, которая произошла с вашим ребенком. А наказывать виновных будет наше правосудие, у него для этого имеются все полномочия. Кроме того, часть оплаты за работу вы внесете сейчас, иначе я за дело не возьмусь.

Дети чутких и любящих мам не бросаются под машины, и хотя мне понятно желание этой женщины наказать виновного, я за дело не возьмусь. Я не механическая гильотина, и сама решаю, хочу я принимать участие в том или ином деле или нет. Кстати, в каком состоянии сейчас ее дочь? Если близкий тебе человек находится между жизнью и смертью, тебе некогда думать о возмездии, все твои действия и помыслы направлены на его спасение.

Женщина напротив меня пожевала губами, резко выпрямила спину и встала:

– Ну, раз меня ввели в заблуждение, я ухожу. Простите за беспокойство.

Я молчала. Гостья же стояла на месте, словно ждала, что ее остановят. Сейчас она находилась против окна, и солнечный свет жестоко демонстрировал морщины, слишком глубокие для ее возраста, черные тени под глазами, опухшие от слез веки. Внезапно она начала говорить. Негромко, монотонно, почти без пауз, словно читала заранее выученный текст:

– Олечка у нас с мужем – поздний ребенок. Мы специально старались воспитывать ее так, чтобы она ничем не выделялась среди сверстников. Знаете, насмотрелась я на вундеркиндов и подающих надежды звезд: всегда изломанные судьбы, мутное будущее, несбывшиеся надежды. Поэтому мы решили: пусть будет серая мышка. Именно они, как показывает жизнь, наиболее

счастливы. Внешность у нее неяркая, в школе она еле-еле вытягивала на четверки, мальчики за ней не бегали. В семь лет я отдала ее в музыкальную школу. Отдала с мыслью о будущем: учительница музыки – прекрасная работа для женщины.

– Разве? Маленькие оклады, отсутствие перспектив, – вставила я. Я сказала это не для того, чтобы поспорить, а для поддержания разговора. Неожиданно мне стала интересна моя посетительница. В первый раз я видела мать, которая не желала для своего ребенка успеха и обеспеченности.

– Прекрасная работа – та, которая не выжимает из женщины все соки, которая оставляет ей силы для семьи, мужа, дома. К тому же в том мирке нет места хамству, пошлости, грубости. Дети, занимающиеся фортепьянной музыкой, обычно послушны, вежливы, неагрессивны. Нет-нет, не спорьте, я прекрасно все рассчитала, только я могу знать, что нужно моему ребенку! Так вот, Оля стала посещать музыкальную школу. Кроме, собственно, игры на фортепьяно, в программу входило еще несколько предметов: хор, сольфеджио. Неприятность поджидала с самой неожиданной стороны, у Ольги все-таки оказался талант, и талант самый нежеланный для нас – потрясающей силы и редкого тембра голос. Естественно, в музыкальной школе ее сразу сделали солисткой. От нашего желания, вернее, нежелания развивать ее талант, уже ничего не зависело. Послушная, даже вялая девочка внезапно проснулась, расцвела, в школе ее стали замечать, у нее появились друзья. Мы решили не мешать ей, Оля так преображалась, когда пела! Наверное, стоило предложить ей попробовать себя в церковном хоре, но неожиданно она стала писать песни. И тексты, и музыку. Знаете, меня раздражает современная популярная музыка, но песни Ольги, хотя и принадлежали к этому стилю, совершенно не отдавали пошлостью и дешевизной.

– Может, вы просто пристрастны к творчеству своей дочери? – не сдавалась я.

– Послушайте сами.

Женщина порылась в сумочке и достала диск. Проигрыватель послушно проглотил его, и комнату буквально затопил чистый и сильный женский голос. Да, при всем своем скептицизме я не могла найти в исполнении и самой композиции никакого изъяна, напротив, этот голос хотелось слушать и слушать, хотя аранжировка и качество записи оставляли желать лучшего. Только этот факт позволил мне поверить, что меня не разыгрывают, и в нашем забытом богом городишке действительно расцвел талант, достойный самых престижных площадок столицы. Тихонечко в комнату проскользнул Ариша, глаза его по-стариковски поблескивали, на щеках играл румянец. Ишь ты, и на него подействовало! Действительно, настоящий талант границ признания не ведает.

Я уже забыла, чем мне так не понравилась моя гостья. Мне стало интересно. Ясно как белый день, передо мной не драма из жизни обывателя, а трагедия, достойная пера Шекспира. Не может человек с таким божьим даром быть заурядной личностью! Ариша, видя перемену в моем настроении, сварил кофе, я попросила Катерину оставить диск, слегка уменьшила звук и стала слушать дальше. Как и следовало ожидать, страсти в нашем королевстве кипели нешуточные.

Благодаря дару, жизнь Ольги сложилась не по схеме, которую начертили ее скромные в запросах родители. После школы она закончила консерваторию, а не музучилище, но действительно стала работать учительницей музыки, и то лишь ради записи в трудовой книжке и стажа, а вечерами, до глубокой ночи, пела в местном джаз-клубе. Сильный голос и абсолютный слух позволяли ей исполнять композиции любой сложности, и посетители летели «на Ольгу», как мотыльки на свет, даже те, кто ничего не понимал в джазе. Девушка стала модной. Неглупый хозяин клуба не скупился на оплату, посетители давали щедрые чаевые, правда, их девушка делила ровно между всеми музыкантами, и тем не менее эта работа приносила ей весьма неплохой доход.

У Ольги появились поклонники, улучшение материального положения дало ей возможность продемонстрировать неплохой вкус и поменять гардероб, и, наконец, впереди забрезжила возможность раздвинуть границы популярности до уровня всероссийской: Ольге поступило предложение принять участие в престижнейшем конкурсе молодых исполнителей. Как правило, все участники этого конкурса автоматически бронировали себе место в шоу-бизнесе. Как и следовало ожидать, диск с записями песен Ольги отправил в отборочную комиссию Олег, единственный из поклонников ее таланта, к которому она проявила благосклонность.

Родители, видя, что слава совершенно не меняет характер их дочери, решили: будь, что будет, пусть все идет своим чередом. Наконец, взыграло их родительское самолюбие, и успех дочери из темы старых кошмаров стал предметом гордости. Ненадолго. В один далеко не прекрасный момент эта лубочная пастораль пошла мелкими трещинами, потом от нее стали отваливаться целые куски, и наконец идеальная картинка превратилась в мрачное полотно. Первый тревожный звоночек прозвенел в день, когда Ольга пришла из клуба непривычно рано. Она сухо объяснила, что больше не будет петь по вечерам. Хотя мать видела, что дочь не находит себе места, ей не удалось узнать о причинах столь неожиданного решения.

В принципе большой трагедии в этом не было, если бы неприятности не посыпались на девушку дождем. На концерте по поводу празднования Дня города что-то случилось с фонограммой Ольги, результатом чего стал срыв выступления. Что произошло, Катерина толком так и не узнала, Ольга тщательно скрывала от родителей историю своего провала, но результат был более чем плачевным: на нервной почве у девушки произошел какой-то специфический спазм связок, и она не то что петь, говорить могла с трудом. Фониатор только развел руками: можно, конечно, попробовать традиционные средства, но лучше найти девушке хорошего психолога.

Хорошего психолога мог найти Олег, у парня были и связи, и деньги, но стоило Ольге оказаться в сложной ситуации, как он тут же порвал с ней отношения. О поездке на конкурс пришлось забыть, на вокальной карьере был поставлен крест, любимый ушел, оставив ее в самый тяжелый момент. И все же Камышины справились бы с обрушившимися на них горестями, не зря же сами они жили и дочь растили в аскетизме, как материальном, так и духовном, но Катерина чувствовала, что не знает всего. Ольга явно чего-то недоговаривала. А что больнее всего может ранить женщину? Уж никак не крах карьеры и материальные проблемы. Понятно, что девушку сломало предательство любимого. Бог знает, что произошло между ними, но в том, что именно разрыв с Олегом был той самой последней каплей, сомнений не возникало.

– Так вы все-таки склонны за все неприятности, произошедшие с Ольгой, наказывать Олега? – уточнила я. – А вам не кажется, что это не совсем справедливо? Он понял, что больше ее не любит, по-моему, он поступает честно, не мучает девушку недоговоренностью и жалостью, а прямо говорит ей, что не хочет продолжать отношения.

– Если бы, – горестно вздохнула моя посетительница, – он не нашел в себе силы сказать ей прямо, написал письмо и отправил по электронной почте.

– И ваша дочь не настояла на личной встрече? Не потребовала объяснений?

– Я, кажется, говорила! – В голосе Катерины прозвучал металл. – Мы люди небогатые, но с чувством собственного достоинства. Женщины нашего рода никогда не будут унижать себя выяснениями отношений. Раз он не оценил счастья, посланного ему небом, нам не о чем с ним разговаривать! К тому же вы не выслушали меня до конца. У меня есть сведения, что все, что произошло с Ольгой, подстроено Олегом. Доказательств, сразу предупреждаю, никаких, но сведения точные.

– Да уж, – пробормотала я, – так и тянет поверить вам на слово и не суетиться понапрасну. Я берусь за это дело. На первых порах, пока я не разберусь, кто действительно виноват в случившемся, оплата за мои услуги будет чисто символической. Как только соберу необходимые материалы, я сообщу вам сумму гонорара и начну работать по вашему заказу. Идите к дочери и на время выкиньте из головы мысли о возмездии, теперь это моя забота.

Ариша пошел проводить Камышину, я же никак не могла разобраться в своих эмоциях. Интуитивно я чувствовала, что это дело – мое, что все события, произошедшие в этой семье, не цепь случайных совпадений, а ловко построенная система травли, но кому это было нужно? Олегу? Какой-нибудь конкурентке? Отвергнутому поклоннику? Неожиданно оказалось, что у скромняги Ольги может быть довольно много недоброжелателей. И даже не зная девушку, я почувствовала к ней если не симпатию, то сочувствие. Всегда питала слабость к людям одаренным, будь они одарены незаурядным чувством юмора или талантом автомеханика.

Я поднялась к себе в комнату, включила компьютер и вышла в Интернет. Так, что у нас тут пишут по поводу празднования Дня города? Проникновенная речь мэра... рост показателей... благодарные горожане... вот: отчет о проведении большого гала-концерта на главной площади города. Два абзаца про прекрасную организацию, несколько слов о молодых и пожилых талантах, а это то, что надо! Я выделила строки, касающиеся выступления Ольги, и скопировала их в новый файл. Почитаем.

«К сожалению, некоторые молодые, но зарвавшиеся таланты считают, что простые горожане – не та публика, перед которой стоит выкладываться и работать в полную силу. Популярная в городе исполнительница Ольга Камышина не сочла нужным порадовать своих слушателей живым вокалом и попыталась ограничиться кривлянием под фонограмму. Но вот досада! Техника подвела. Миф о том, что эта девица всегда поет вживую был развеян, певица с позором бежала. Утешает то, что ей, похоже, все-таки было совестно, а это говорит об одном: у нашей молодежи все-таки сохранились остатки каких-то идеалов. Мы надеемся, что этот конфуз послужит Камышиной уроком».

– Во дают! – не удержалась я. – Чтобы в провинции так костерили певицу, певшую под фонограмму? Да сейчас вообще редко кто обладает достаточно сильным опытом и талантом для живого вокала! Все к этому привыкли, никто никого не осуждает, если, конечно, не хотят спровоцировать скандал на ровном месте...

Я набрала номер моего старого приятеля, Антона Ярцева. Антон по праву считал себя акулой пера местного масштаба, рьяно трудился в городском издании «Горовск сегодня», имел приятелей в столичной прессе и был моим агентом в мире журналистики. Не зря журналистов зовут акулами. Если отбросить ассоциацию с кровожадностью и всеядностью, вполне сработает сравнение с вечно голодным созданием. Голодным как в духовном смысле, так и в физическом. Дело меня заинтересовало, лишний раз увидеть Антона я была не против, поэтому пригласила его пообедать, пообещав накормить в обмен на информацию. Антон знал меня давно, нежных чувств друг к другу мы не испытывали, поэтому согласился он без жеманства и ложной скромности. Сделка есть сделка.

Естественно, под формулой «покормить обедом» не подразумевалось, что я буду пыхтеть у плиты, колдуя над борщом с пампушками. Единственное, что я научилась сносно готовить, – полуфабрикаты из местного супермаркета. Поэтому встретились мы недалеко от редакции в небольшом кафе – переделанной пельменной.

– Солнце мое, – прижал руку к груди мой приятель, – я сдам тебе с потрохами весь мир и мэра города в придачу, только дай мне сначала немножечко поесть. Маковой росинки с утра не испил!

– Что, вечер удался? Утром с аппетитом была напряженка? – хмыкнула я.

– Обижаешь, подруга. Вечер, действительно, удался, но лишь в профессиональном плане. Да, я присутствовал на презентации нового ресторана. Но как обозреватель, чес слово! Ни грамма спиртного во время работы! Правда, по окончании торжества пришлось задержаться. Хозяину просто необходим был благоприятный отзыв прессы. Но ты сама понимаешь, издержки профессии. А теперь помолчи немного, я дам знак, когда можно будет говорить.

«Знак» последовал после салатика и миски сырного супа-пюре с гренками. Я вкратце рассказала Антону историю Ольги и потребовала выложить все, что он знает о казусе с фонограммой.

– История, действительно, темная, – согласился Антон, приняхиваясь к аппетитному пару, поднимающемуся из горшочка с жарким, – понимаешь, я ведь видел все своими глазами и могу поспорить на этот самый горшочек, что провал девушки на самом деле был подстроен. Ты в курсе, что в мире шоу-бизнеса чисто инструментальные фонограммы называют минусовками, а с наложением голоса – плюсовками? Так вот, я слышал, что Ольга никогда не пела под «плюс», только под «минус», то есть вживую. На концерте она вышла, спела первую песню, заработала заслуженную порцию аплодисментов, и тут-то началось непонятное: на первом же куплете второй песни фонограмма «поехала». Представляешь, «поехала» вместе с голосом! Надо было видеть, вернее, слышать это зрелище! Народ попадал в буквальном смысле слова. Слишком поздно, но запись вырубили. Бедняге бы сразу уйти со сцены, но она попыталась исправить положение и пела без музыки, микрофон, само собой, был отключен, и ее слышали только те, кто стоял перед самым подиумом. Концерт-то проходил на улице! Какой бы сильный голос у исполнителя ни был, его все равно везде не слышно. А если бы и было слышно, спеть ей в любом случае не дали бы – какие-то отморозки, стоящие прямо перед подиумом, подняли свист, гвалт и даже кинули на сцену пару банок из-под пива.

– И что, никто не заступился?

– Просто не успели. Это рассказываю я долго, а произошло все очень быстро, конечно, их тут же вывел наряд милиции, но дело-то было сделано! Ты бы видела лицо девушки. Совершенно не умеет скрывать эмоции, бедняга! Да, шоу-бизнес любит циничных и наглых, куда там Камышиной.

– Слушай, а тебя, часом, не угораздило бросить свою банку из-под пива в девушку? Ты же тоже писал репортаж о празднике?

– Обижаешь, – чуть не подавился Антон, – ни слова не проронил! Ольга – настоящий талант, она еще пробьется и станет звездой, я такие вещи чую. Но мой отзыв ей все равно бы не помог, какой-то говнюк скинул в Интернет информацию, редактор нашей газеты статейку пропустил, к тому же концерт по местному TV в прямом эфире шел, так что, как видишь, мое самоотверженное молчание ее не спасло.

Антон помолчал, бросая на меня загадочные взгляды:

– Я говорил тебе, что не все так просто в этой истории?

– Не тяни.

– Я внимательно наблюдал за мимикой Камышиной. Она растерялась сразу, как только пошла фонограмма второй песни. Понимаешь, что это значит? Она ждала «минусовку»! «Плюсовку» поставили без ее ведома. Если с первой песней все прошло отлично, то тут было четко видно, как отчаянно она пытается попасть в слова. Бедняга вся пятнами покрылась, а тут и фонограмма съехала. В общем, не повезло девочке.

– Если ты так уверен в подставе, чего же не написал об этом в своей газетенке? Слабо? – поддела я Антона.

– Не слабо. Просто такие вещи с кондачка не решаются. Надо провести расследование, добыть факты. Ты же знаешь, я непроверенной информации не выдаю. А чего это ты так заинтересовалась этим делом?

– Случайно наткнулась в Интернете, любопытство замучило, – не особенно утруждаясь правдоподобностью выдуманного, отмахнулась я.

– Рассказывай! А то я тебя плохо знаю! Ладно, не хочешь – не рассказывай. Если что-нибудь интересное нарою, тебе скину. Мне, честно говоря, тоже не по себе от того, что девочку затравили. Ты бы видела ее: маленькая, невзрачная, ручки-ножки как на шарнирчиках

ходят, а голосище – Шляпин в юбке! Просто удивляешься, откуда в таком тщедушном тельце такая мощь! Поэтому я лицо тоже заинтересованное.

– Как журналист?

– Как исследователь душ людских!

– В таком случае постарайся узнать, был ли заказчик у статейки, которая вышла в вашей газете. Писаку знаешь?

– Конечно, – поморщился он, – скользкий тип, я с ним в контрах.

– Ради правого дела разрешаю временное перемирие. Скользких типов надо мочить в собственной слизи. Думаешь, Штирлицу легко было? Зато сколько удовольствия в конце проделанной работы!

– Ладно, попробую. Слушай, а что, пирожных не будет? Я так не играю. Я без пирожных себя человеком не чувствую. У меня же мозги без отдыха работают, им глюкоза нужна.

Я заказала для моего друга тарелочку со сладостями, стащила у него под шумок крайнее пирожное со взбитыми сливками и клубникой и погрузилась в раздумье. Надо искать выход на ребят, которые отвечают за работу аппаратуры. Даю на отсечение Антошкин язык, если среди них не затесался гаденыш, подменивший фонограмму. Пирожное с клубникой оказалось маленьким, поэтому я потянула на себя абрикосовое, с желе. Кстати, а почему бы мне не обратиться за помощью к Алине? Моя подруга заслуженно считает себя светской львицей местного разлива, вполне возможно, что она сможет провести меня за кулисы шоу-бизнеса. Прекрасно, сегодня же иду к ней. Повод есть, мы давно не виделись. С тех пор, как она увлеклась скалолазанием, на меня у нее совсем не было времени. Еще надо попробовать вон то пирожное, похожее на тирамису, отвлеклась я.

– Эй, подруга! – раздался над ухом возмущенный голос. – Ты девушка или бегемот? Девушки пирожные не едят, это мужская привилегия!

– Я, между прочим, не обедала, в отличие от тебя, поэтому имею право на пару кусочков, – обиделась я, – а бегемоты вообще пирожные терпеть не могут, им больше сено нравится!

Еще чего! Так я и уступила ему тирамису! Увы, я недооценила Антона. Пока я прицеливалась, он схватил всю тарелку и быстро спрятал ее за спину. Я было хотела возмутиться, но поймала строгий взгляд официантки. Ладно, пусть толстеет в одиночку, заслужил. Расстались мы вполне миролюбиво, Антон пообещал снабжать меня любой информацией, касающейся Ольги Камышиной. Я же села в свой мини-купер и набрала номер Алины.

Глава 3

Алинка не терпела полумер, если она отдавалась какому-то делу, то отдавалась до конца, безвозвратно. Точнее, возвратно, так как увлечения ее ограничивались парой недель – месяцем, не более, а потом она опять возвращалась в нормальную жизнь и становилась на какое-то время адекватной. С неделю назад моя подруга насмотрелась героических фильмов о скалолазах и, нарыдавшись вдоволь над трудными судьбами героинь, твердо решила всю оставшуюся жизнь провести, повиснув над пропастью. Поэтому теперь застать ее можно было только в компании весьма запущенных и чрезвычайно обаятельных парней из местного клуба любителей скалолазания. Обычно они занимались в помещении, сегодня же устроили вылазку «на натуру». «Натура» находилась недалеко за городом, поэтому я заскочила в ближайший супермаркет, накупила простой и калорийной провизии и поехала на встречу с подругой. Очень мило, совместим работу с пикником. Давно не была на природе!

Алина отрабатывала приемы спуска на почти отвесном склоне берега реки. Что делаешь, в нашей местности большая напряженка со скалами! Я невольно залюбовалась своей подругой: она знала толк в снаряжении, если это касалось чисто внешних атрибутов. Хороша. Подруги Сталлоне нервно плюются в пропасть! Я дождалась, когда Алина спустится, и только после этого дала о себе знать. Подруга, вопреки обыкновению, не завизжала и не попыталась сбить меня с ног, а неторопливо отстегнула карабин и солидно подала мне руку.

– Знакомьтесь, ребята, это моя приятельница, Полина. Она ничего не понимает в скалолазании, но в связке не подведет. Ты вовремя приехала, я как раз закончила этап и могу позволить себе немного расслабиться. Пойдем?

Полное перевоплощение. Как виртуозно могла она соответствовать роли, которую в данный момент играла! Мы прошли маленький лагерь, вышли на полянку.

– Ты видела? – Алина взвизгнула и бросилась мне на шею, – ты видела его? Мечта всей моей жизни! Я даже не знаю, с кем его сравнить, хотя, если его побрить, будет похож на Эрика Робертса. А вообще, что я говорю? Он неповторим, он олицетворение мужества, грубой животной силы, волк, ух, порвала бы!

– Наконец-то. А я уж испугалась, не сменяли ли тебя на космического спасателя лейтенанта Рипли?

– Должна же я произвести на него впечатление! Думаешь, таких, как он, могут заинтересовать такие, как я? Вот и приходится строить из себя героическую личность. Смотри, какие у меня мозоли на руках! А еще я чуть не упала, а еще коленку ободрала и голову уже три дня не мыла. У нас тут плотские удовольствия не приветствуются, кайф положено ловить только от высоты. – Алина глубоко, со всхлипом вздохнула. – Ну, чего ты молчишь? Как он тебе?

– Да кто он? Там их пять штук, все небритые, чумазые, волосатые, с дикими взглядами.

– Ну, Владимира трудно не заметить, он самый статный, самый мужественный, самый красивый, самый сильный. Хотя Андрей тоже ничего и Сережа тоже. Да и Витка со Славой милые. Но Владимир – самый-самый милый, – тут же поправилась она.

– Ладно, покажешь, – смирилась я. – А вообще я к тебе по делу. Ты же у нас светская львица, знаешь все, что происходит в городе!

– Тише! – Подруга прикрыла мне рот ладошкой со свежее испеченными мозолями, – я уже две недели не львица, я скалолазка! Если ребята узнают, отвернутся от меня. Я тут такого нафантазировала! Рассказала, что круглая сирота, что кабардинцы нашли меня в горах грудным младенцем, я лежала на остывающем трупе матери и весело играла с ядовитой змеей. Мои родители сорвались со скалы, поэтому погибли, а я упала сверху, поэтому осталась жить. Смотри, не проговорись. Иначе они мне доверять не будут. Так что там тебе надо? Спрашивай, только тихо.

– Алинка, ты слышала что-нибудь о певице из джаз-клуба Ольге Камышиной?

– Конечно! Там какая-то скандальная история произошла, не то она кого-то отравила, не то ее, – уверенно заявила Алина.

– Мы, наверное, говорим о разных людях, – решила я.

– Ничего подобного, я эту Камышину очень хорошо знаю, и если тебе интересны подробности, поговорю с Андрюсиком, это мой бывший, звукооператор. Без него ни одно культурное событие в городе не обходится. Отношения у нас хорошие, расстались друзьями, ссориться с ним было просто неразумно: как профессионал он нарасхват, так что любые контрамарки мне обеспечены. Есть только одна проблема – Владимир. Как я буду встречаться с бывшим, если у меня вот-вот закрутится бурный роман со следующим? Это аморально!

– А тебе и не надо с ним встречаться, – обрадовалась я. – Расскажи ему обо мне, и я сама задам ему интересующие меня вопросы.

Алина насупилась, поморщила лобик и, наконец, произнесла:

– Только не вздумай строить ему глазки! Надеюсь, он еще страдает после разрыва со мной, и я не собираюсь поставять ему свеженьких девиц. Поэтому возможен только деловой, сухой разговор, и оденься как-нибудь построжее, а то взяла в последнее время моду: то декольте, то мини натянет. Привила я тебе вкус на свою голову! Все, мне пора, сейчас в связке с Владимиром пойдем.

Подруга явно меня выпроваживала. Понятно, дружба – дружбой, а личная жизнь – врозь. Хотя мне это было скорее приятно. Совсем недавно Алина считала меня серой мышкой и абсолютно асексуальной особой, а теперь... Значит, перемены в жизни и мировоззрении пошли мне на пользу.

Алина созвонилась со звукооператором Андреем, договорилась о нашей встрече и проводила меня до «мини-купера». Уже садясь в машину, я вспомнила, что так и не достала из багажника запасы провизии.

– Алина, возьми, здесь сардельки, мартини, мягкий сыр, паштет и багет. На природе аппетит зверский, так что пригодится.

– Ты чего! – Подруга сделала «большие глаза». – Скалолазы и альпинисты никогда не опускаются до такой пищи. Крупа, сухари, тушенка – в лучшем случае. Забирай, пока никто не видел, не порть мне репутацию!

– О! Еда! – гаркнули у меня над самым ухом. – Алиночка, твоя подруга просто прелесть!

Я обернулась и увидела невысокого, заросшего, как старичок-лесовичок, мужчину лет тридцати. Линялая майка с пятнами пота на груди и подмышках, штаны в мелких и не совсем мелких дырочках. Впрочем, запущенность внешности несколько компенсировал небесно-голубой цвет глаз и искренняя улыбка. Ладно, простим непрезентабельность, может, он человек хороший.

– Это не я прелесть, это Алина. Узнала, что я еду, и попросила привезти чего-нибудь вкусненького. Говорит, мужчины на крупе совсем отощали, – спасла я положение.

Парень одобрительно кивнул смущенной Алине и протянул мне руку:

– Володя, руководитель клуба. А Алина действительно молодец. Не просто надежный, но и заботливый товарищ. А у вас не возникало желания попробовать себя в скалолазании?

– Думаю, альпинизм – не мое, – пожалала я плечами.

– Полина боится высоты, не любит природу, а еще у нее руки слабые и ей некогда, – добавила Алина. – Ты с ума сошла, – зашипела она мне на ухо, – перепутала альпинистов и скалолазов. Альпинисты перед нами – тьфу, пустое место. Они без крючьев, альпенштоков, шерпов близко к горам не подходят. А мы доверяем только рукам, ногам и остальным частям тела.

Мне показалось, что Володя мягко усмехнулся в бороду. Чтобы совсем не расстраивать подругу, я быстро попрощалась и уехала. Встреча с Андреем завтра, сегодня я уже никуда не

успею. Пришлось повернуть домой. На кухне я бросила в кипяток спагетти и отправила в микроволновку сардельки. Да уж! Изобретательной поварихой меня не назовешь. Хотя «паста под соусом бешамель» звучит, конечно, музыкальнее, чем «макароны с подливкой», но по природе своей – то же самое, вид сбоку. Ничего, у деда холестерин в порядке, пивных животиков у нас с ним нет, так что вполне можно позволить себе на ужин это безобразие.

– Ариш, ты же видел этого Олега, – обратилась я к деду за ужином, – каково первое впечатление?

– Презентабельный. Красив, но не той красотой, которая привлекает пожилых дамочек и молоденьких дурочек. В подобной внешности можно найти уйму недостатков: близко посаженные глаза, узкий подбородок, щупловатое телосложение. Но есть в нем ощущение породы, ты представляешь, о чем я говорю? Это как борзая, например, если рассматривать беспристрастно, – тощая уродливая псина, но до чего же совершенное создание!

– Это внешне. А какое он производит впечатление как человек?

– Знаешь, Полетт, в моих устах эпитет «породистый» – характеристика не только внешних, но и внутренних качеств человека. Возьми двух близнецов и вырасти из них мерзкого уголовника и благородного интеллектуала. Они и внешне станут разными! Так что, к сожалению, Олег мне понравился, хотя я едва перекинулся с ним парой фраз.

– К сожалению, – это из-за того, что он действительно может быть причастен к этому делу? – уточнила я. – А ты знаешь, что произошло на концерте, после которого Ольга потеряла голос?

Я рассказала Арише все, что успела узнать от Антона. Дед расстроился. Несмотря на свой аристократизм и даже внешнее высокомерие, он всегда был чрезвычайно чувствительной натурой и особенно переживал, когда от действий мужчин страдали женщины. Он был бы прекрасным мужем, если бы бабушка немного потерпела и не сбежала от него на заре их туманной юности.

– Дедуль, – поспешила перевести я разговор на другие рельсы, – судя по всему, Олег весьма успешный бизнесмен. Поспрашивай там у своих, может, они расскажут что-нибудь интересное?

Аристарх Владиленович, несмотря на свой преклонный возраст, не представлял себе жизни без светских тусовок и частенько проводил ночи в игорных заведениях города. Публика там собиралась небедная и представительная, поэтому у деда были весьма обширные связи.

– Ну, раз надо, придется идти, – притворно вздохнул Ариша, – ты привезла костюм из чистки?

Если Ариша уходил в казино, это было надолго. Загрузив, таким образом, своего верного друга, единственного родственника и надежного сподвижника в одном лице, я легла спать. Было душно, и, несмотря на открытое окно, в комнату не проникало ни одного дуновения ветерка. Я позавидовала Алине: в лесу наверняка прохладнее!

* * *

Встреча со звукооператором Андреем была назначена на вечер, так что день оказался свободен. Я потопталась перед дверью дедовской спальни, в надежде на то, что он почувствует, как я маюсь, проснется и расскажет мне новости. Но потом во мне проснулась совесть – Ариша вернулся под утро, всю ночь по моей просьбе работал, даже если игру в покер можно назвать работой с большой натяжкой.

Ну и хорошо, значит, до обеда я успею съездить в музыкальную школу, на место работы Ольги. В школе у нее наверняка есть если не подруги, то коллеги, которые могут знать о ней гораздо больше, чем близкие люди. Я решила особо не мудрствовать и представиться частным детективом, кем я, собственно, и являлась.

Школа мне понравилась. Небольшая, аккуратная, уютная. Коридор заполнен звуками самых популярных музыкальных инструментов: фортепьяно, аккордеона, скрипки. Где-то одиноко, но громко ухала труба, неумело тренькала гитара. Я подошла к вахтерше.

– Здравствуйте, я частный детектив, Полина Казакова. – Я решила представиться таким образом. – Расследую причины случившегося с Ольгой Камышиной.

– Ой, – всплеснула руками женщина, – с Олечкой! Вы уж расследуйте, пожалуйста, не пускайте дело на самотек! Мы так переживаем за нее, вот, смотрите, деньги собираю на передачку, решили каждый день в больницу к ней ходить. Наверное, лучше апельсинов купить или йогурта?

– Лучше апельсинов, – машинально ответила я, – только в виде сока и немного позже, Оля еще не приходила в сознание. Вы не могли бы подсказать мне, с кем она дружила? Мне хотелось бы как можно больше о ней узнать.

– Из наших преподавательниц она ни с кем особо не общалась. Девочка неразговорчивая, задумчивая, – девчонки наши о детях, мужьях, борщах, а она все о своем думает. Да и рассказать ей нечего было, она же с родителями живет. Вот ее наши немного и чурались.

– Так прямо совсем одинокая? Ни подруг, ни ухажеров? – перешла я на язык собеседницы, – поди-ка скучно одной.

– Нет, мужчина у нее был, но вместе они не жили, так, гуляли. И подруга у нее есть, только не из наших. Я же здесь уже лет двадцать работаю, и Олю, и Лику ее как облупленных знаю. Все же перед глазами! Мы люди маленькие, нас не замечают, а вот мы видим многое.

– Лика?

– Ну да, подругу ее так зовут, Лика, Анжелика. Они со школы вместе, хотя я не понимаю, почему, они же совсем разные. Лика такая яркая девушка, заметная, а Олечка – мышонок совсем и тихоня. И на пианино Лика лучше играла, и в хоре ее всегда в первый ряд ставили, уж больно хорошенькая, одета всегда в заграничное, у нее же папа в начальниках. А вот поди ж ты! Дружили, неразлейвода. И сейчас, кажется, дружат. Лика забегает сюда иногда. Хорошая девочка, поздоровадается, слово приятное скажет и называет «тетечкой Валечкой», ласково.

– Значит, Лика здесь не работает? – уточнила я.

– Что ты, это девушка высокого полета, что ей тут у нас делать. Она на мелочи не разменивается, карьеру себе сразу серьезную строит. Вот поверь, мы о ней еще услышим.

– Тетя Валя, вы очень нам всем поможете, если устроите мне встречу с Ликой.

– Чего же не помочь? У меня тут в тетрадошке все телефоны воспитанников за двадцать лет собраны, директриса постоянно просит кого найти, у кого родителей вызвать, я все и храню. Только телефон домашний, старый, сейчас все больше сотовые оставляют, так что и не знаю, дозвонишься ли.

– Спасибо, тетя Валя, постараюсь дозвониться, – пообещала я, затем записала телефон и фамилию Лики.

Недавно компьютерный гений и хакер-одиночка Шилов подкинул мне пиратский диск с базой данных на жителей нашего городка, по любому из параметров можно было узнать о человеке все официальные данные. Я набрала в поисковике номер телефона Лики, который дала тетя Валя, и на экране появилось досье Виктора Шлейко, генерального директора местного мясокомбината. Жена Евгения, дочь Анжелика. Ничего себе! Лика Шлейко, звезда музыкальной школы и подруга Оли Камышиной, оказалась колбасной принцессой! Мои пальцы быстро пробежали по клавиатуре, набирая данные Лики. Окошко на экране сменилось. Данных было до обидного мало. Девушка окончила школу, является владелицей собственной квартиры и автомобиля «Хендай Гетц», нигде не училась, не работала, не принимала, не участвовала, не привлекалась, замечена не была. Странно, ей не так уж и мало лет, а данных – как о человеке-невидимке. Интригует! Будем знакомиться поближе. Я взяла трубку и набрала номер Шилова.

– Вить, хочешь заработать?

– Конечно. Мне тут программку такую подкинули, просто супер, а для реализации средств не хватает. Что надо делать?

– У тебя же шестерка старая?

– Старая. Но гоняет, как зверь. Понимаешь, там движок-то вовсе не «шахи», да и вообще от нее только кузов остался. Сделает спортивную «Мазду», только об этом никто не подозревает, да это и лучше – никто не позарится.

– Вить, для тебя большой трагедией будет, если ты ее немного поцарапаешь? Совсем чуть-чуть, чисто символически, но заплачу я тебе как за ремонт мятого крыла. Пойдет?

Даже через трубку было слышно, как щелкает калькулятор в голове Шилова. Он немного поспел, поторговался для приличия и согласился. Я объяснила, что надо делать и назначила время. Прекрасно! По расписанию завтра с утра у меня автоподстава.

Случайно я глянула на часы в нижнем углу монитора и подпрыгнула. День становился мне мал, я опаздывала на встречу к звукооператору Андрюше. Судя по рассказам Алины, малый был весьма неразборчив в связях, западал на любую мало-мальски симпатичную девицу и весьма уважал демонстрацию атрибутов женской привлекательности. Поэтому нарядилась на встречу я соответственно: не по-дневному яркий макияж, паричок с платиновыми локонами, бирюзовые линзы, мини, шпильки, бюстгальтер с силиконовыми вставками. Получилось вполне ничего, чуть-чуть не доходит до грани вульгарности, но выглядит вполне соблазнительно. Я не ставила себе целью измениться до неузнаваемости, действовала я вполне легально, но, чтобы расположить к себе собеседника, не стоит пренебрегать невербальными методами.

Я, конечно, опоздала. Но не настолько, чтобы парень мог потерять терпение. Он ждал меня в уличном кафе, притоптывая ногой и с досадой разглядывая всех особ женского пола, проходящих мимо. Бейсболка, несвежая футболка, вытянутые джинсы. Господи, почему же это все звукооператоры выглядят одинаково? Хоть бы один для разнообразия пиджачок приобрел!

– Андрей? – плюхнулась я за столик. Алина не раскрыла моего инкогнито, представила просто как подругу, и это было мне на руку. – Я Даша, начинающая певица. Говорят, ты в городе лучший звукооператор?

– Не зря говорят, – хмыкнул парень, не стесняясь разглядывая меня.

– Мне нужно несколько профессиональных фонограмм, поможешь? Заплачу, сколько скажешь, только сделать все нужно в лучшем виде.

– Ну, – начал ломаться он, – студия у меня неофициальная, на дому, так что я не знаю, как получится. И писать надо ночью, днем все равно не дадут. Ты хоть знаешь, что процесс записи может на месяц растянуться, если у тебя данные так себе?

– Данные у меня хорошие, а ночевать у тебя я согласна и два месяца, если договоримся, – похлопала я его по руке, – только чтобы все действительно было по высшему разряду, а то я слышала, что и ты иногда лажаешь.

– Происки конкурентов! – взвился парень. – Кто тебе сказал?

– В газетах писали, – пожалала я плечами. – Концерт ко Дню города ты обслуживал? Фонограмма твоя подвела?

– Глупости не говори! Ты не знаешь, – завелся Андрей. – И чего ты вообще тогда пришла, если не доверяешь?

Кажется, я перегнула палку, контакт потерян. Ничего, наладим. Я глубоко вздохнула полной грудью, блузка, и так не ожидавшая подлости с силиконовыми вставками, натянулась, и кнопка послушно щелкнула, выставив на обозрение юноши мои весьма прибавившие в весе прелести.

– Прости. Я не знаю, что там произошло, вот и несу чушь. Наверное, это другой звукооператор лоханулся, а ты тут ни при чем.

– Ой, господи, почему все блондинки такие дотошные?! – застонал Андрей. – Да все там в порядке с фонограммой было, это парень одной певицы обиделся и подменил диски. Отомстил за то, что динамила, и все! Вообще, гад, конечно, прекрасно знал, что для нее живой звук – дело чести, знал, как побольнее ударить!

Кажется, говорить об этой истории ему было интересно. Ну что ж, продолжим. Уже второй человек заявляет мне, что подмена фонограмм – дело рук Олега.

– Вот ведь гад мерзкий! – возмутилась я, откинувшись на спинку стула. Любуйся, милый, любуйся, там половина все равно не мое, не жалко. – Ты уверен, что это сделал ее жених?

– Конечно. Об этом все говорят.

– «Все говорят» – не аргумент. А если оклеветали парня?

– Аргументы железобетонные. Олег никого не подпускал к фонограммам. Он постоянно таскал их с собой, стоял за кулисами, когда она пела, он рассчитывал на то, что она станет звездой. Наверное, хотел стать ее продюсером.

– Зачем тогда ему менять фонограммы? Нелогично.

– Вот тут-то собака и зарыта. Они же поругались перед концертом! Ольга заявила ему, что никогда не позволит себе быть содержанкой, или что-то в этом роде, а он сказал, что она дура, кажется, пнул колонку и пообещал, что она еще пожалеет. Как тебе это? – Парень торжествующе посмотрел на меня.

– Да уж. Пообещал – отомстил, настоящий мужчина!

– Это ты настоящих не видела, – не понял сарказма Андрюша. – Я бы никогда девчонку не обидел. Это ниже моего достоинства. Так когда придешь?

– Я тебе позвоню, – пообещала я.

Узнала расценки на всякий случай, убедила парня, что действительно не могу сейчас же идти к нему писать фонограммы и покинула кафе. Все яснее ясного. Действительно, мелкая и подленькая месть отвергнутого мужчины. Ольга без сомнения талантлива, а Олег занимается бизнесом. Обидно потерять такой перспективный источник доходов только потому, что у девушки слишком сильно развито чувство собственного достоинства.

* * *

Вечером Ариша рассказал мне все, что смог узнать про Олега. Молодой и многообещающий бизнесмен, москвич, директор сетевого филиала столичной компании. Работает в нашем городе второй год, ведет себя как истинный ариец в досье из книжки о Штирлице: спортсмен, в порочащих связях не замечен, азартными играми не интересуется, спиртными напитками не злоупотребляет. Просто лубочная картинка. Смотреть противно! Меня всегда настораживают этикие образцово-показательные мужчины. Если ты стараешься на людях казаться воплощением добродетели, значит, тебе есть что скрывать. А еще мне очень не нравилась колбасная принцесса Лика.

– Дедуль, а что ты можешь сказать о Шлейко?

– Директоре мясокомбината «ГорКом»? Ничего хорошего. Мерзкий тип, хам, из грязи в князи, как говорится. Недостаток врожденной интеллигентности и аристократичности пытается залатать купюрами, всеми силами пытается пролезть в приличное общество. Его не любят, он это знает и глумится над людьми, которые не могут за себя постоять. Может обматерить зависящую от него женщину, причем не просто послать, а нахамить обидно, грязно, липко. У него персонал больше двух месяцев не задерживается, не удерживает даже высокая, по меркам нашего городка, зарплата. Ворует, естественно, вагонами, экологию городка под удар ставит.

Так вонь по всему городу, когда ветер северный, его работа? А я с детства не пойму, почему это иногда по городу гуляет амбре, как на разрытом кладбище. Да, тип несимпатичный.

Удивлюсь, если его Лика будет девочкой искренней и трудолюбивой. А впрочем, завтра узнаем. Я чмокнула деда в щеку и пошла наверх.

– Дедуль, ты сегодня заходил ко мне в комнату? – свесилась я уже через минуту с перил.

– Нет. А что произошло? – отозвался дед.

– Ничего, не волнуйся. А кто заходил?

– Никто не заходил. Горничной сегодня не было, гостей тоже. Да что случилось-то?

– Книжку куда-то положила, найти не могу, – ответила я и вернулась в спальню.

Пугать деда не хотелось. Но мне очень не понравилась охапка подвявших полевых цветов, рассыпанных по ковру. Что это, предупреждение? Поклонников у меня давно не случилось, друзья так придуриваться не будут, значит, не друзья...

Я подошла к раскрытому окну, осмотрела его с помощью фонарика, спустилась в сад. Как ему удалось это сделать без лестницы? Я осмотрелась. В темноте наш уютный садик выглядел враждебно, я зябко поежилась и вернулась в дом. Давно хочу купить садовые фонарики на накопительных солнечных батареях. На этой же неделе надо разориться! Я собрала цветы и запихала их в мусорный пакет. И что хотел этим сказать неизвестный визитер? Я накрепко закрыла окна и задернула ночные портьеры. Теперь постараюсь уснуть.

Глава 4

Утром, спустившись в сад, я внимательно осмотрела следы, едва различимые на грунте. Ползать по земле с лупой – не мой метод, но в данном случае других вариантов не было. Следы как следы, мужских ботинок среднего размера, только подошва не совсем обычная. Ладно, разберемся. Утром вчерашнее происшествие уже не пугало. Может, правда, кто-то из друзей подшутил? Эти мысли быстро растаяли под нашествием новых: кажется, Олег действительно может быть замешан в проблемах Ольги. С этим более или менее ясно. Теперь разберемся, что за штучка эта колбасная принцесса Лика. Я набрала номер ее домашнего телефона, трубку долго не снимали. Наконец хрипловатый со сна голос без всякого выражения ответил:

– Да.

– Лика? – уточнила я.

– Лика, – последовал утвердительный ответ.

– Я звоню из больницы. Вы в курсе, что ваша подруга лежит в реанимации?

– В курсе, – все так же немногословно, но уже более заинтересованно ответили мне.

– Я являюсь корреспондентом газеты «Горовск сегодня». Мы хотим подготовить злободневный материал о проблемах молодой и многообещающей певицы. Знаете, потребитель любит читать о трагедиях. Родители Ольги против фоторепортажа, а нам нужен снимок, на котором близкий ей человек сидит у постели больного. Вы не согласились бы подъехать? Вы же близкий человек для Ольги?

– Да, я подъеду, – сухо ответили мне после некоторого замешательства, – только не думайте, что я буду изображать скорбь и позировать с судном. Я действительно люблю Ольгу и не позволю, чтобы фотосессия...

– Фоторепортаж, – поправила я.

– Фоторепортаж превратился в фарс. Когда подъехать?

– Через час вас устроит? Только будьте добры, не опаздывайте. У нас сегодня еще одна важная съемка в Доме правительства, ждать вас мы не сможем. Успеете подъехать?

– Успею, – согласилась Лика.

Прекрасно. Я позвонила Шилову, надела парик цвета махагон со стрижкой каре, выбрала темные очки в пол-лица и направилась к дому Лики. Городок наш маленький, поэтому дорога не заняла много времени. Апельсиновый «Гетц» бросался в глаза издали, я припарковалась неподалеку и стала ждать. Минут через двадцать из подъезда выскочила девушка. Среднего роста, плотненькая, но не тяжелая, а скорее, ладненькая. Крупные черты лица, выраженный макияж, броская одежда. Внешнее впечатление вполне позитивное. Посмотрим, что будет дальше.

Машина Лики рывком тронулась с места. Я тихо двинулась следом. Ого! А девочка явно является постоянным нарушителем. Мне пришлось тоже прибавить скорость. Шилов ждал нас за первым же светофором. Я немного отстала, поэтому мне хорошо было видно, как грязненькая облезлая «шестерка» догнала апельсиновую машину Лики и легонько чиркнула по ее боку правым передним крылом. Обе машины притормозили, я встала неподалеку.

Эмоции явно захлестывали девушку. Она выскочила из машины и с кулаками бросилась на моего агента. Молодец, Шилов, прихватил группу поддержки. Из «шестерки» вылезло трое ребят в спортивных костюмах нехилого телосложения. За их спинами прятался Витя. Лика попятилась. Ребята сокрушенно покачали головами над «шестеркой» и окружили машину девушки. Лика юркнула на водительское сиденье, но дверцу заблокировать не успела. Я не торопилась, для осуществления моего плана девушка должна быть загнана в угол.

Тем временем страсти накалялись. Ребята что-то недружелюбно бубнили, Лика пыталась куда-то звонить, мои наемники ей не давали этого сделать. Наверное, пора. Я хлопнула дверцей машины и решительно направилась к месту боевых действий.

– Эй, братцы, чего тут происходит?

– Иди, девушка, не твое дело, – отмахнулся один из парней.

Шилов, будто испугавшись, что я действительно уйду, толкнул его под локоть и, явно переигрывая, запричитал:

– Да вот, телка машину нам покорябала, а я только ремонт сделал, краску еле достал. Требуем, чтобы заплатила, а она упирается.

Осчастливленная поддержкой, из машины выскочила Лика:

– Это они меня толкнули, я ровно ехала!

– Бабушке своей расскажешь, как ты ехала! Гони штуку и свободна. А то мы твой «Запорожец» так прокачаем, что от ведра не отличишь!

Перепалка возобновилась с новой силой. Я растолкала воинствующие стороны, встала между девушкой и парнями и уточнила:

– Штуку евро?

Те радостно кивнули головами, явно сами удивляясь своей наглости.

– Правильно решили, тачка у девочки не из дешевых, заплатит, куда денется!

Ребята кивнули опять, словно китайские болванчики. Спектакль себя исчерпал, вдохновение доморощенных артистов все вышло.

– Значит, так, – гаркнула я, стараясь пустить в голос максимум командирских ноток, – убирайтесь отсюда немедленно, пока я папашу не вызвала! Я прекрасно видела, как вы оформили эту подставу!

– А кто у нас папаша? – вынырнул из-за спин ребят Шилов.

– И не надейся, не колдун. Папаша трудится на ниве борьбы с организованной преступностью. Так, дайте-ка я номерок ваш запишу, чья машина?

Ребята поняли, что представление закончено, быстренько вскочили в «Жигули» и умчались. Я удовлетворенно отметила, что предусмотрительный Шилов тщательно замазал номер грязью. Молодец!

– Девушка, вы не запомнили номер? – с досадой обратилась я к Лике. – Вот черти, уехали быстро!

– Не-ет, – протянула та, с интересом глядя на меня.

– Жаль.

– А это правда, что ваш папа в отделе работает? По борьбе с организованной преступностью?

– Брехня. Просто у меня такой же случай был, я уже знаю, чего они боятся. Вас сильно поцарапали?

Мы склонились над машиной. Умница Витя, просто виртуоз, шаркнул по слою дорожной пыли, почти не потревожив краску. Лика удовлетворенно вздохнула.

– Вы меня выручили, – констатировала она, – спасибо. Я могу отблагодарить вас?

– Предлагаете деньги?

– Ну, если вы нуждаетесь...

– Я что, так плохо выгляжу? – не удержалась и я от сарказма.

– Нет-нет, просто так принято.

– Ну, если принято, угостите меня чашечкой кофе. Утром позавтракать не успела, а сейчас как раз есть свободное время.

Лика озабоченно глянула на часы, потом махнула рукой:

– Из-за этих придурков в больницу все равно опоздала. Пойдемте пить кофе.

Мы расположились в летнем кафе. Я исподлобья разглядывала девушку, пытаюсь понять, что же она из себя представляет. Пока было ничего не ясно.

– Перейдем на «ты»? – предложила я, и, дождавшись ее кивка, поинтересовалась: – Ты сказала, что опаздываешь в больницу. Что-то произошло?

– Ерунда, – отмахнулась та, – без меня справятся.

Ничего себе. Лучшая подруга третий день не приходит в сознание, а для нее это ерунда? Словно прочитав мои мысли, она продолжила:

– Точнее, не совсем ерунда. У меня приятельница в ДТП попала, я к ней ехала. А сейчас все равно все ушли, так что смысла торопиться нет.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Как раз все очень серьезно. На Олю столько всего свалилось в последнее время, прямо удивляюсь, как она не помешалась от горя. Хотя, может, как раз и помешалась. Представляешь, она сама кинулась под машину!

Девушка смотрела на меня, ожидая бурной реакции. Одной из характеристик холериков является их страсть к страшилкам. Если человек с данным типом темперамента станет участником кровавой трагедии, он непременно будет описывать каждому встречному и поперечному, в какой позе лежал труп, какое выражение лица у него было, сколько вытекло крови и каким узором растеклись мозги по асфальту... Кажется, Лика принадлежала именно к этому типу. Не дождавшись моей реакции, она продолжила. Я в который раз услышала историю о конфузе с фонограммой, о ссоре Ольги с женихом, о спазме связок. А это что-то новенькое! Катерина Ивановна рассказывала, что в джаз-клубе с Ольгой произошла неприятность, из-за которой она вынуждена была уволиться, но в суть этой неприятности меня не посвятила.

– Знаешь, наверное, ее можно понять. Такой шанс выпадает раз в жизни и обидно не воспользоваться им только из-за того, что у тебя не хватает денег на фонограммы и костюм.

Я стала слушать внимательнее, всем своим видом выражая интерес к рассказу собеседницы и изредка охая, качая головой и поднимая бровки домиком.

– Как она на это решилась, не пойму. Забраться в сейф директора клуба и свистнуть оттуда три штуки евриков? Были бы деньги! Если уж мараться, так из-за крупной суммы. Хотя она взяла ровно столько, сколько требовалось для участия в конкурсе. Я же говорила, что ее в Сочи на конкурс пригласили?

Я кивнула, в уме быстро обрабатывая информацию. Получается, что Ольгу выгнали из клуба за кражу?

– А что, ее поймали с поличным? – уточнила я.

– Нет, просто она одна была в кабинете целых десять минут, а сейф был открыт, вот она и не удержалась. Я ее понимаю: такой соблазн. Хотя лучше бы она попросила у меня, для меня это не деньги, я с удовольствием одолжила бы ей нужную сумму, да и Олег ее постоянно просил, чтобы она рассчитывала на его материальную поддержку. Оля стеснительная была, вот, наверное, и решила, что стащить будет не так стыдно. Кто бы мог подумать, что ее вычислят? Это хорошо, что владелец клуба скандал устраивать не захотел. Заставил ее вернуть деньги и выгнал. А то представляешь, что было бы? Это же тюрьма!

– И она вернула деньги?

– В тот же день! Она вообще трусихой была по жизни, а уж тюрьма-то для нее – страшнее смерти. И позор. Она же учительница, ее весь город знал.

Я отметила, что Лика в разговоре постоянно говорит о подруге в прошедшем времени, словно у той уже не было шансов. Хотя я, наверное, слишком пристрастна. Люди не всегда вкладывают в склонения слов какой-либо смысл, просто говорят так, как им удобно.

– А что этот жених ее? Раскаялся?

– Чего ему каяться? Он к ней всей душой, звезду из нее хотел сделать, из нищеты вытащить, а она ломалась, как принцесса. Не понимаю я ее. Все же так просто: выходи замуж за

Олега, уезжай в столицу, делай карьеру, и все! Никаких проблем! А у нее все какие-то капризы, сомнения. Ты, наверное, думаешь, что я слишком зло о ней говорю? Это от симпатии, а не от злости. Я просто устала с ней бороться.

Может быть, может быть. Самые близкие люди часто здорово раздражают именно тем, что не желают жить по правилам, которые мы считаем для них самыми верными.

– Оля вообще не от мира сего всегда была. Стихи писала, дневник вела, на дискотеки не ходила. А эта ее работа в музыкальной школе?! Да мне бы ее консерваторское образование и талант! Уж я бы тряханула этот городишко!

Для убедительности Лика стукнула кулаком по столу. Стакан с минералкой подпрыгнул и упал набок, вода полилась на пол. Да, с таким темпераментом она и правда наделала бы шороху. Мы обменялись номерами телефонов. Чтобы Лика не потеряла интерес к моей особе, я пообещала порекомендовать ей отличного автомеханика. Мы расстались весьма довольные новым знакомством. Дневник! Ольга вела дневник. Именно он мог бы разъяснить совершенно непонятные для меня поступки и события в жизни этой девушки. Значит, надо всеми правдами и неправдами добыть это сокровище.

На данный момент я имела целую стопку улик против Олега. Улик, не подтвержденных никакими доказательствами. Первое: он предлагает Ольге деньги для участия в конкурсе и развития карьеры, но для нее легче украсть эти деньги, чем взять их у любимого. Как это объяснить? Второе: она не позволяет ему не только спонсировать ее карьеру, но и не допускает близких отношений. Почему? Не любит? Все утверждают обратное. Третье: взбешенный отказом, Олег срывает ее выступление. Все отзываются о нем как о человеке сдержанном и расчетливым, а этот поступок слишком импульсивен. Нелогично. Четвертое: после того как девушка теряет голос, он сразу заявляет ей о разрыве отношений. Даже последний подлец и прощелыга постарается в данной ситуации выглядеть как можно лучше и какое-то время будет поддерживать отношения и даже попытается помочь несчастной. А уж особенно молодой и перспективный бизнесмен, репутация для которого – не пустой звук. Нерасчетливо. Либо этот Олег полный дурак, либо тут что-то нечисто. Надо идти к родителям Ольги, выпрашивать дневник.

* * *

Катерина Ивановна была дома одна, они попеременно дежурили с мужем возле дочери.

– Как Ольга? – поинтересовалась я.

– Плохо. Держится на системах обеспечения жизнедеятельности, врачи ничего не обещают. Говорят, надо ждать, организм сам решит, карабкаться ему дальше или...

– Держитесь, – промямлила я избитое слово поддержки.

– Вы ко мне с результатами? – задала свой вопрос Катерина.

– Не совсем. Мне нужна ваша помощь. Вы знали о том, что произошло в джаз-клубе? – задала я вопрос в лоб.

– Знала, – сухо кивнула хозяйка дома.

– Почему же ничего мне не сказали?

– Почему я должна позорить перед вами свою девочку? Вывешивать грязное белье? Она не могла сделать этого, а если и сделала, то не вам ее судить! Кстати, чтобы замять скандал, Олечка отдала деньги, которые скопила для конкурса.

– Значит, у нее были деньги? – поразила я.

– Конечно. Она неплохо зарабатывала, вела скромный образ жизни, куда ей тратить деньги?

– А зачем тогда...

– Теперь вы понимаете, что у нее не было нужды рыться в чужих сейфах? Все же так просто!

– Все еще запутаннее, – пробормотала я себе под нос. – Катерина Ивановна, я знаю, что Оля вела дневник. Вы не могли бы дать мне его на какое-то время? Обязуюсь вернуть в целости и сохранности.

Женщина резко встала.

– Что вы себе позволяете? Я, мать, и то не смею заглядывать в ее тетради, и вы считаете, что я разрешу, чтобы по страницам, которым дочь доверяла самое сокровенное, шарили равнодушные чужие глаза? Я поручила вам наказать Олега, а вы любопытствуете, надоедаете, лезете в ее жизнь!

Я, наконец, разозлилась, поднялась.

– Катерина Ивановна! Надеюсь, вы понимаете, что дневники вашей дочери нужны мне не для праздного чтения перед камином, а для поиска причины, ее погубившей. Вы с ней прошли через клевету, позор, незаслуженное унижение, а что, если Олег не виноват? Никто, даже лучшая подруга не верит в то, что Ольга чиста. А если и Олег думает так же? Вам сейчас бога надо молить, чтобы дочь выжила, а вы тратите силы на разоблачение предполагаемого виновника ее бед! Наберитесь терпения. Если я взялась за это дело, то обещаю: тот, кто наслал на голову вашей Оли все эти беды, от наказания не уйдет.

Катерина сникла. Я, выпустив пар, тоже немного успокоилась. С ней все понятно, женщина в истеричном состоянии, не понимает, что говорит. А я-то почему разошлась? Хотя, кажется, моя проповедь подействовала на нее, как ушат воды.

– Так вы дадите мне дневник Ольги?

– Извините, нет. Поймите, я не могу. Понимаю, что так надо, но не могу. Олечка, когда придет в себя, не простит мне этого.

«Ну и не надо, – подумала я про себя, – все равно я доберусь до этой тетрадки или тетрадок, как отметила Катерина. Чует мое сердце, что именно они помогут разобраться мне во многих проблемах Ольги». Хотя для этого не надо быть психологом: если человек ведет дневник, значит, именно ему он доверяет самые сокровенные тайны.

Внезапный телефонный звонок прервал мои размышления. Звонила Алина. Сначала в трубке раздалось какое-то шуршание, потом в это шуршание стали прорываться отдельные осмысленные слова и фразы: «заклинаю», «если ты мне друг», «промедление смерти подобно».

– Алина, говори нормально, я ни слова не понимаю, – разозлилась я.

Вызов сорвался, и через пять минут трубка запиликала снова:

– Я просто громко говорить не могла, а сейчас в лес углубилась, здесь меня никто не слышит, – уже отчетливо забормотала Алина.

– У кого там смерть? – переспросила я.

– Ни у кого, это я про промедление, которое смерти подобно. Если ты меня не спасешь, я превращусь в пещерного человека. Нам тут еще три дня страдать. В общем, так, записывай. Привези туалетной бумаги, дезодорант без запаха, крем дневной и ночной, а еще для глаз, ног и рук. Эпилятор захвати... хотя, нет. Как он без электричества работать будет? Бритвой обойдусь. Чистое белье, жидкое мыло, шампунь с бальзамом, солнцезащитный крем...

Алина диктовала долго, я еле успевала записывать.

– А что случилось? Ты уже не боишься, что твои друзья поймут, что ты цивилизованная девушка, и разочаруются в тебе?

– Я все продумала. Ты приедешь будто по делу, мы удалимся с тобой на безопасное расстояние, там в реке есть чистый заливчик, я буду приводить себя в порядок, а ты на шухере стоять. Они ничего не заметят. Они думают, что моя красота естественная, а она, зараза, блекнуть отчего-то стала. Я тайком зеркало пронесла, так смотреться страшно.

Голос подруги был такой жалостливый, что я растрогалась. Конечно, радости от перспективы выполнения ее заданий я не испытывала, дел было по горло, тут не до спасения естественной красоты подруги, а с другой стороны, если бы, например, у Ольги был друг, воспринима-

ющий серьезно ее проблемы, ничего бы и не случилось. Я собрала все, что просила Алина, и поехала за город.

Встретила она меня, как и в прошлый раз, сдержанно. Объяснила соратникам, что нам требуется уединение, и повела меня вдоль реки. Когда мы ушли достаточно далеко, Алина занялась своим туалетом, а я «стояла на шухере», как она и просила. Когда подруга высушила волосы, я спросила:

– Алина, скажи честно, неужели так важно соблюдать все эти формальности? Человека можно мерить и другими ценностями.

– Другие мне изображать легко, а вот без туалетной бумаги – кранты. Знаешь, как наши говорят? Если вы не мерзнете, вам не хочется пить, есть и спать, не болят пальцы и колени, а кожа не свисает с лица лохмотьями – вы точно не скалолаз. Ничего, немного осталось, вот скоро залезу в ванную, вымажусь по уши сметаной, медом, взбитым белком, кофейной гущей и сутки отмокать буду!

Я не удержалась от смеха, представив неземную красоту моей подруги под всем этим соусом. Алина обиженно толкнула меня, я потеряла равновесие и шлепнулась на мягкое место.

– Ах, так вот благодарность за мою доброту?

Я схватила лежащий рядом тяжелый ботинок подруги и попыталась прицелиться прямо в спину удирающей Алине. Стоп. Рисунок подошвы. Редкий и запоминающийся.

– Алина, а где ты взяла эти ботинки?

– Скальники? – Нарезвившаяся подруга вернулась. – Заказала по Интернету. У нас таких не купишь, приходится заказывать. Знаешь, какие замечательные? Прокат при шаге просто изумительный, конечную фазу шага ботинок как бы стремится доделать за тебя. И кошки любые прицепить можно. Ты не представляешь, сколько я за них отвалила!

– У тебя у одной такие?

– Нет, мы вместе с Владимиром заказывали, только у него размер другой. Хочешь померить?

– Не хо-чу, – медленно произнесла я. Так вот в чем дело!

Мы вернулись в лагерь. Я дождалась, когда Алина скроется в палатке, и подошла к Владимиру, возившемуся с какой-то кривой железякой и яркой веревкой.

– Что, удачно припудрили носики? – бросил он через плечо.

– А что, заметно?

– Конечно. Но вы Алине не говорите. Она так искренне старается во всем походить на настоящего скалолаза, что не хочется ее разочаровывать.

– Вы хотите сказать, что у нее не очень удачно это получается?

– Настоящий скалолаз должен нутром чувствовать такие вещи, а она слепо обезьянничает.

– Мне кажется, на обезьяну больше стараетесь походить вы, – парировала я. – По окошкам прыгаете просто замечательно.

Владимир бросил свое занятие и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Цветы – ваша работа?

– Алина говорила, что вы занимаетесь расследованием, но чтобы так быстро... Сдаюсь. – Он засмеялся и развел руками.

– Я не выдам вас вашим героическим друзьям при одном условии – вы мне поможете, – быстро сказала я. – Надеюсь, пользоваться мобильником у вас не запрещается? Запишите мой номер.

Я продиктовала свой телефон, и вовремя: к нам приближалась Алина. Владимир позволил мне, едва я отъехала от лагеря.

– Вы просили о помощи?

– Не просила. Из-за вашего романтического потуга мне среди ночи пришлось заниматься уборкой, а я и днем-то без особого восторга это делаю. Вы промышленным альпинизмом занимаетесь?

– Понимаете, Полина, вы путаете два понятия: альпинизм и скалолазание. Альпинист поднимается к вершине при помощи крючьев, альпенштоков, иззубренных шипами ботинок и носильщиков-шерпов, а скалолаз – при помощи рук, ног и остальных частей тела. Я не из снобизма это говорю, я...

– Мне это неинтересно. В свободное от развлечений время вы занимаетесь покраской стен домов, мытьем окон небоскребов?

– Кхе... У нас нет небоскребов, но вы правы. Хорошее снаряжение стоит дорого, а работа в люльке на высоте хорошо оплачивается.

– Очень хорошо. Завтра мы совершаем ограбление. Ограбление во имя добра, не бойтесь. Если попадемся, я все беру на себя.

– Это точно никак не противоречит закону? – опасливо спросил отважный скалолаз.

– Вам страшно? Вы боитесь? А если бы вас поймали в момент, когда вы лезли ко мне в окно? Заметьте, дома никого не было, побрякушки я в сейф не прячу.

Владимир сдался. Я сказала, что время сообщу дополнительно, велела быть наготове и отключилась. Как удачно моя подруга порой выбирает себе хобби!

Глава 5

Я практически не рисковала. Родители Ольги почти все время проводили в больнице, люлька на стене дома, конечно, могла привлечь внимание, но обычно ограбления совершаются ночью, под покровом темноты, так что вряд ли кто заподозрит в чем-то нехорошем бородатого дяденьку в комбинезоне. Утром я забрала Владимира из лагеря, естественно, со всеми предосторожностями. Если бы Алина поймала меня за этим занятием, мне бы не поздоровилось. Объяснять, что я использую ее идеал исключительно как рабочую силу, было некогда и нецелесообразно, поэтому я решила схитрить и похитить его тайно.

Мы дождались, когда родители Ольги выйдут из подъезда, и поднялись на крышу. Очень вовремя мне под ноги попало мятое ведро с остатками окаменевшего гудрона. Из воспоминаний детства я знала, что если на крыше работают мужчины, то это сопровождается запахом горящей смолы. Пока Владимир крепил свое снаряжение, я пыталась устроить небольшой костер в ведре. И как его строители поджигают? Наконец, черная масса начала плавиться и вонять. Этого я и добивалась. Я прихватила ведро, еще раз напомнила скалолазу, какое окно меня интересует, и спустилась вниз.

Почти все окна по случаю лета и жары были открыты, окно комнаты Ольги не составляло исключения. Еще в прошлый свой визит я заметила, что замок в доме довольно простой, английский, так что проблем возникнуть не должно. Владимир медленно спускался, я наблюдала снизу. Только бы ничего не помешало!

– Ты, доченька, из домоуправления?

Я обернулась – прямо за моей спиной стояла симпатичная бабушка с огромной овчаркой на поводке.

– Из домоуправления, контролирую заливку крыши и замазку трещин в монолите, – ответила я, с недоверием посматривая на овчарку. Вот-вот скалолаз достигнет окна, залезет внутрь и даст мне сигнал подниматься. – А вы отойдите подальше, мало ли что с крыши свалиться может, да и собачке вашей запах горящего гудрона явно не нравится.

– Ничего, я свое отжила, а собачка гавкнет, если что не по ее. Ох и брехливая собачка попалась! Вода несвежая – гавкает, еда не нравится – гавкает, миску не помоешь – гавкает. Застроила меня всю. Я уж и не знаю, как ей угодить. Пока хозяев нет, тихо сидит, а как хозяева приходят – все огрехи мои наружу выставляет, бесстыдница.

В этот момент бесстыдница рванула было за промчавшейся кошкой, но старушка неожиданно сильно дернула за поводок и смачно выругалась:

– Тпру, скотина, не балуй!

Скотина послушалась и притихла.

– Я ведь чего хочу сказать-то, – продолжала словоохотливая бабуля, – собачка эта не моя, я при ней нянькой. Пенсия маленькая, вот я у соседей и служу. Они-то на работах, в командировках всяких, а собачке скучно, воеет она, пакостит по-всякому. Вот меня и наняли. А что? Я не в обидах, это же не дите, сопلي вытирать не надо, а гулять с ней мне даже нравится, никакая сволочь не обидит, вид-то у нее грозный.

Владимир уже практически добрался до нужного окна, а бабуля все не уходила.

– А на нюх ее точно вонь из ведра никак не повлияет? – уныло поинтересовалась я.

– А зачем ей нюх? Она же не служебная, а так, для баловства. А тебе ведро потом надо будет сдавать?

Вот где собака зарыта! Старушка позарилась на гудрон. Да ради бога, для хорошего человека ничего не жалко!

– Нет, не надо. Сейчас закончим, на помойку понесу. Только дождаться надо, чтобы остыло, а то как бы мусор не поджечь.

– А давай я тебе помогу? Мне делать нечего, я человек свободный, скотину все равно еще полчаса выгуливать, вот я с ведром и прогуляюсь. За пятьдесят рублей.

Ай да божий одуванчик! А молодец! Не ноет, на судьбу и правительство не жалуется, крутит свой мелкий бизнес, тем и живет. Наверняка и хозяев собаки она так мягко в плен взяла, сначала жаловалась, что собачка воет, потом по доброте душевной прогулять предложила. Нет, молодец! Я с удовольствием отдала бабушке полтинник и вручила ведро, она торопливо, пока я не передумала, засеменила прочь, волоча на поводке грустную овчарку. Я подняла голову. Владимир махнул мне рукой и мгновенно оказался внутри комнаты. Я зашла в подъезд.

Проникновение в квартиру прошло без эксцессов, хотя сердечко у меня колотилось так, что аж в висках стучало. Я быстро прошла в комнату, открыла ящик письменного стола Ольги, и прямо сверху обнаружила стопку общих тетрадей. Открыла первую попавшуюся – оно. Да, в этой семье друг другу доверяли. Извини, Ольга, это нужно для тебя. Я положила тетради в сумку, вышла из квартиры и поднялась на крышу, где ждал меня скалолаз.

– А можно поинтересоваться, ради чего я рисковал жизнью? – бросил он, сматывая веревку.

– Нельзя! – отрезала я.

Наверное, стоило как-то поблагодарить парня, но мне не хотелось проявлять слабость: все-таки, этот мужчина – голубая мечта моей лучшей подруги, и мою благодарность он может принять не так, как надо. Я отвезла его в лес и высадила из машины, не потрудившись подвезти поближе к лагерю. Ничего, прогуляется, он спортсмен, ему полезно. В зеркале заднего вида отражалась одинокая и грустная маленькая фигурка с альпинистским снаряжением на плече, но совесть меня не мучила. У меня в сумке лежали драгоценные тетрадки, а это стоило маленькой сделки с совестью.

* * *

Ольга вела дневник с пятого класса. Точнее, не дневник, а дневники – четыре потерянные по углам общие тетрадки. Не скажу, что читать их было так уж легко, никогда бы не стала заниматься подобным делом только из любопытства! Не легко, факт, но интересно. Все-таки девушка писала неплохие стихи, и слог ее был легким и убедительным. Как ни тянуло меня сразу заглянуть в последнюю тетрадь, начала я с первой. Я должна была понять, способна эта девушка свести счеты с жизнью или нет?

По мере прочтения дневника мое восприятие Ольги менялось. По рассказам близких создавалось впечатление, что эта особа – существо забитое, инфантильное, безропотное, словом, никчемное создание, по ошибке или милосердию божьему наделенное серьезным талантом и не умеющее справляться с этой тяжелой ношей. Строки, которые я читала, писал совсем другой человек.

* * *

Из дневника Ольги Камышиной:

«Они считают, что я некрасивая, что у меня нет шансов пробиться через мутную стену нашего ограниченного круга. Конечно, если бы я разбиралась в математике или пробегала стометровку быстрее Саши Савельева, то на меня смотрели бы, по крайней мере, с уважением, а так... кому нужны мои „пятерки“ за сочинения? Я раскрываю душу, а все смотрят только на смазливую мордашку той же Лики».

«Сегодня на литературе опять зачитали мое сочинение. Когда учительница дошла до строк о том, что даже жалкий человек имеет право на счастье, кое-кто хмыкнул: „Но не настолько жалкий, как наша нюня Олюня“. Все засмеялись, даже Лица. Я понимаю, что им

никогда не написать так, что все усмешки – от зависти, но я мечтаю о том времени, когда никто не посмеет смеяться надо мной, когда самый красивый мальчик школы будет таскать мою сменку в зубах, когда на меня, а не на Лилу будут оглядываться на улице ребята».

Ого-го! А наша скромница и монахиня не такая уж и смиренница. Просто не хватает жизненных сил у девочки, вот и живет даже не на вторых, а на десятых ролях. Как я понимаю, ее вокальный дар в это время еще не дал о себе знать. Интересно, насколько все изменится после?

Со страниц дневника становилось ясно, что Ольга сама долго не верила в свой талант. В музыкальной школе на занятиях хорового пения она еле-еле открывала рот и «мяукала» даже не в половину, а в одну десятую своего истинного голоса. Петь по-настоящему она позволяла себе только дома, когда родители были на работе, а соседи, как ей казалось, ничего не слышали за толстыми стенами. Вот тут уж Ольга давала себе волю! Она филигранно отточила весь репертуар своей любимой исполнительницы, перепела песни из любимых кинофильмов, замахнулась на несколько арий из «Евгения Онегина», которого любила слушать мама. Ее упражнения продолжались бы долго, если бы не началось лето и под открытыми окнами не стали собираться слушатели – местные празднующиеся подростки.

Однажды Оля особенно удачно пропела сложнейшую партию в той тональности, которая раньше была для нее слишком высокой, и вдруг под окном раздались аплодисменты. Сначала бедная девочка подумала, что над ней издеваются, и с растерянности бросилась прятаться, но когда она нашла в себе силы прокрасться к окну, то услышала:

– Что случилось?

– Ничего, девчонка здорово поет. Жаль, замолчала, хоть одним глазком бы глянуть, кто такая! Эй, спой еще, не ломайся!

Больше в тот день Ольга петь не стала, да и в другой тоже. Теперь она не пела при раскрытых окнах, но стоило родителям уйти из дома, как девочка крепко-накрепко запирала окна и продолжала свои занятия, удивляясь тому, как быстро крепнет ее голос, как легко даются сложные пассажи, как ей повинуется самая неуправляемая мелодия. Она поняла, в чем ее сила.

Я закрыла последнюю страницу первой тетради. Что я хотела узнать? Могла бы автор этих записей шагнуть под мчащуюся машину? Безусловно. Типичный гадкий утенок с большими амбициями и мечтой о собственном величии. Птенец, тщательно скрывающийся за своими комплексами и охотно выставляющий их напоказ: она даже в хоре пела нарочито плохо, лишь бы никто не обратил на нее внимание. Можно представить, что испытал этот утенок в момент, когда он уже поверил, что стал лебедем, и вдруг снова очутился на птичьем дворе в образе маленького уродца. Да, злая у меня получается сказка.

* * *

– Полетт, у нас гости!

Странно... Если Ариша на ночь приводит своих приятелей, он никогда не беспокоит меня, и уж тем более не требует выполнять роль хозяйки дома. Сказать, что я воспитывалась в духе покорных и хлебосольных женщин Кавказа, значит рассмешить до колик моих друзей, поэтому просьба деда меня заинтересовала: или пришел кто-то свой, или Ариша привел какого-то незаурядного человека.

Внешне человек оказался довольно интересным: наверное, таким мог бы стать Маяковский, если бы сократился до среднего роста и дожил лет до шестидесяти. И говорил он как поэт или, скорее, как актер, играющий поэта – ритмично вышагивая из угла в угол, и также ритмично бросая рубленые фразы. Ловить смысл его изречений было на первых порах сложно, гость очень забавно строил речь, совершенно не учитывая законы риторики и повышая-понижая интонацию там, где ему вздумается.

– Так это вы, сударыня, вокалировать надумали? – строго поинтересовался он.

Я бросила уничтожающий взгляд на деда и кивнула: а что еще мне оставалось?

– Весьма оригинальное желание для девицы, имеющей смазливую мордашку и изрядный капитал, – все с тем же строгим выражением продолжал он.

Я проглотила «смазливую мордашку» и пожала плечами. Трудно было вступить в игру, не поняв, что напелл ему Ариша.

– А я говорю, – подал реплику тот, – что для карьеры певицы необходимы незаурядные данные. Это в старые времена вокалу, как и музицированию, и живописи, учились все юные дворяночки, а сейчас это совершенно излишне. А внучка уперлась: хочу петь, да и только, найди мне, дедулечка, учителя!

Ах, вот оно что! Я – туповатая и сладенькая внучка, мечтающая о вокальной карьере. Он – дед, неспособный отказать любимому дитятке в ее капризе. Тогда кто наш гость?

– Познакомься, Полетт, Венедикт Федорович, лучший в нашем городе педагог по вокалу. Раньше служил в консерватории, сейчас пестует молодые таланты частным образом. В нашем городке у него учились все, кто вышел или хотел выйти на большую сцену.

– Правды ради скажу, что вокалистами стали не все, но попадать в ноты я могу научить даже мартовского кота, – добавил гость.

Все ясно. Ну, что же, выхода у меня все равно нет. Дурочка так дурочка.

– Знаете, я пока не решила, заниматься мне вокалом или художественной ковкой. Дедулечка обещал, что оплатит любое мое увлечение. Только я не знаю, что у меня лучше получится. Вот я слышала, например, что Ольга Камышина не могла гамму повторить без ошибки, а теперь – джазовая певица. Меня так научить сможете?

– Камышина! Эх загнули! Да эту учить – только портить. Она ко мне еще девочкой пришла, школьницей, я за несколько занятий слегка подкорректировал ей тембр и отправил прямиком в консерваторию. А вот с подругой ее пришлось повозиться.

– С Ликой? – брякнула я, не подумав.

– Вы и Анжелику знаете? Ну, тот факт, что имена и худших из моих воспитанников становятся известными, делает мне честь. Хотя подобной ученицей я бы хвастаться не стал.

Вот это номер! Лика тоже занимается вокалом, к тому же поет неважно. Молодец, Ариша, ценный улов! Я послала деду влюбленный взгляд и засуетилась вокруг гостя:

– Вы предпочитаете кофе или чай? Знаете, у нас есть превосходный кофе, дедушке друг привез из Колумбии, я сварю? Ах, вы не пьете кофе? Какая жалость! Тогда коньяк, водка, текила, виски?

– Полетт, принеси закуску к коньяку, – заважничал дед, – и не мельтеши. Так вы говорите, что из мартовского кота можете сделать Шалыпина? Очень интересно. И как это возможно? На примере, скажем, этой девушки, как бишь ее там?

– Анжелика. – Наш гость, наконец, сел. – Типичный образчик золотой молодежи, никогда не получавшей ни в чем отказа. Голосок писклявый, слуха нет по определению. Зато попка, как у бразильянки, и щеки, как яблоки. Вот эта звездой станет, не беспокойтесь. С ней все педагоги города мучились, она еще со школы этой идеей заразилась, когда Ольга петь начала. Понятно, подруги, куда одна – туда и другая. Только ничего у нее не получалось, тянет на одной ноте, и все тут, не представляете, сколько ее папаша денег отдал, чтобы голос ей поставить, – все без толку было, пока она не попала в мои руки.

– И вы научили ее петь? – подскочила я с подносом.

– Я научил ее не позориться. Теперь любой звукооператор, помучившись недельки две, сможет создать с ней что-то похожее на песенку. И создают же! Папаша снял девице уже два клипа, примитивных, надо сказать, но если бы кто знал, из чего я вылепил этот миленький голосок! Правда, без фонограммы девушка все равно петь не сможет, но куски для записи у нее получаются вполне ничего.

– Кудесник, кудесник, я же говорил тебе, Полетт! – восторженно воскликнул дед. – Он и из тебя звезду сотворит. Ну-ка, спой нам!

– Позже, – попросила я в надежде, что Ариша одумается. – Лучше расскажите нам про эту Лику, должна же я на кого-то равняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.